

Н. И. Наумов

Рассказы

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Ю. В. Лебедев*
Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей 60--70-х годов XIX
века/ Вступ. статья и коммент. Ю. В. Лебедева.-- М.: Современник, 1986.
(Сельская б-ка Нечерноземья).

СОДЕРЖАНИЕ

У перевоза
Мирской учет
Умалишенный

У ПЕРЕВОЗА

-- Парома подай, эй! -- кричали почти в голос, стоя на мостках, несколько человек, отделившихся от остальной группы телег, съехавшихся в ожидании перевоза, и толпившегося около них народа. Из них особенно обращал на себя внимание мужичок в синей крашенинной чуйке, кричавший и суетившийся более других. Когда он убеждался, что перевозчики и не думают подавать парома, то всплескивал только руками и с восклицанием "эхма!" отходил от мостков к своему возу, нагруженному сушеною рыбой; но вслед за тем опять собирался с духом и опять поднимал вопли. Другие, не так торопливые, или спали, или, лежа на возах, равнодушно смотрели на пеструю панораму раскинувшегося за рекой города, на яркую зелень его рощ, из-за которых, чуть видными точками, сверкали золотые куполы церквей. Иные ходили от воза к возу, применяясь к ценам находившихся на них продуктов, назначавшихся для продажи на рынке, или, столпившись в кучки, рассуждали о своих обыденных нуждах. В стороне от всех, у самой опушки леса, растрепанный и оборванный цыган заставлял медведя, на потеху почтенной публики, показывать, "как старые попадьи блины пекут", и мишук с ревом, трясая тяжелою цепью, вдернутою в ноздри, выделявал неуклюжие па. На высоком возе с углями сидел солдат, починивая уже выслужившее срок пальто и напевая вполголоса какую-то заунывную песню; около него трое видных, здоровых парней мешан, судя по длиннополым нанковым кафтанам, надетым сверх кумачных рубах, и плисовым шароварам, запущенным за длинные голенища, засаленными картами усердно отбивали друг другу носы. На косогоре, около спуска к берегу, на разошедшейся и повернутой вверх днищем лодке, сидела старушка странница с перекинутой через плечо котомкой; голова ее, несмотря на лето, была плотно укутана большим платком, полушубок был весь в заплатках; синяя, рядная рубаха едва прикрывала исхудалые ноги,

обутые в грубые шерстяные чулки и лапти. Несколько молодых, окруживших ее, внимательно слушали рассказ о разных виденных ею чудесах, прерывая ее время от времени глубокими вздохами да возгласами: "Согрешили мы, грешные, ох согрешили!" У самых ног странницы ползал ребенок лет двух или трех, рылся в песке, выкапывая корни и пихая их в рот.

Лучи закатывающегося солнца, прорезываясь сквозь чащу густого леса, окаймлявшего берег не широкой, но быстрой реки С..., озаряли эту картину и местами густыми пятнами света падали на воза и на песчаные, усеянные мелкой галькой прогалины. Дневной зной постепенно сменялся вечерней свежестью, рои комаров и мошек носились в воздухе. Порой пронзительное жужжание овода резко поражало ухо, заставляя вздрагивать и отмахиваться хвостами лошадей, пущенных пастись на ближнем лугу.

-- Деготь? -- ткнув пальцем в лежащую на дне телеги бочку, спросил у мужика солдат в белой рубахе, превратившейся от времени в бурую, и форменном кепи, сдвинутом на затылок.

-- Где-ка, в бочке-то?.. Деготь...-- отвечал мужик, осматривая снятый с ноги лапоть.

-- На продажу?

-- На продажу.

-- А здешний или издалеча?

-- Крутологовские!

-- А-а!.. Ну, стало быть -- здешний!..-- И солдат, посмотрев бессознательно вдаль, снял кепи и запустил всю пятерню в свои коротко остриженные волосы.-- А оводу-то, оводу-то... страсть сколько! -- проговорил он после непродолжительного молчания.

-- И!.. Совсем замучил скотину!..-- отвечал мужичок, успокоенный невредимым состоянием лаптя и вновь наматывая его на ногу, --одно слово, гнус!

-- Гнус! -- подтвердил солдат.

-- Митюха, мотри-ка, у тебя глаза-то попрытче: однако отваливают! -- крикнула синяя чуйка, снова уже стоявшая на мостках.

Митюха, молодой, рослый парень с заспанною физиономиею, сидевший на облучке воза с рыбой и все время скаливший зубы на медвежью "камедь", нехотя встал на колесо и, осенив глаза ладонью, посмотрел на тот берег, потом молча соскочил.

-- Что?

-- Жди, отвалят... Нет, энто, брат, не то что чаво... отвалят... скоро захотел!..

-- Эх, ешь те мухи, а как бы надуть в город-то! -- проговорила тоскливо чуйка.

-- Небось к утру перевезут, да еще по пятаку с рыла слупят!

-- Моя ништо пятак, и алтына не даст! -- сказал лежащий на возу с кожами татарин.

-- Во какой... мотри, дашь и гривну!

-- Перевоз казенна... вот что, вези дарма... моя ништо платить!

-- Ишь, мухамед-то... а вот этого не хошь! -- и Митюха показал ему конец азяма, сделав из него подобие свиного уха.

Татарин отплюнулся и повернулся к нему спиной, между тем как окружающие захохотали.

-- Беда это татарам, свиное-то ухо, -- отозвался сосед,-- то ись как их эфтим способом таперича беспокоят... не любят они чушек-то!

-- Нехристи!

-- Должно, так!

В это время по дороге из-за леса показалась еще телега, запряженная худенькой чалой лошадежкой; вся сбруя на ней была из веревок; из хомута местами клочьями висела солома. Лошадью правил мальчик лет десяти, задом к нему сидела довольно пожилая женщина в байковом шушуне, Держа на коленях узорный туесок. Съехав с крутого спуска к берегу, они остановились около телеги с дегтярной бочкой. Мальчик тотчас же начал выпрягать уставшую лошадь, поминутно отмахивая назад залеплявшие глаза его длинные светло-русые волосы, потом на поводу повел ее на луг. Женщина, поставив туесок, тоже слезла с телеги.

-- Никак, Митревна? -- взглянув на нее, сказал как бы про себя мужичок, осматривавший лапоть,-- так и есть. Здорово, Митревна!.. в город?

-- Левонтий Савич, и вы здесь?.. Вот где встретились!-- говорила, подходя к нему и кланяясь, Дмитриевна,-- вы-то здоровы ли, домашние-то каковы?

-- Чего им делается? живут, хлеб жуют, да еще припасать велят... С чем ты это?

-- Да так кое-чего набрала: ленку маленько прошлогоднего осталось, ну, да грибков на недельке с дочкой-то набрали -- вот и везу. Что делать, Левонтий Савич, надуть чем-нибудь кормиться!

-- Надуть-то надуть, чего говорить, без кормешки нельзя!

-- А вы с чем-от-ка тут?

-- Да с дегтем все вожусь, провались уж он!

-- Степанида-то Яковлевна какова? Давно уж я ее не видала.

-- На печи все кости парит... Не молодо дело-то. Ноне было поскудалась¹ маненько животом... да ничаво, рассольцу похлебала -- отлегло... О хозяйине-то твоём не слыхать?

-- Сидит, Левонтий Савич, все-то сидит!

-- Эко, а?.. Кое уж ведь время-то?

-- Да с покрова, почитай, другой годок, как сидит!

-- Ишь! Ну, да знамо, в острог только дверь широка, а оттоль узка... лихо попасть... Хлопочешь?

-- Как не хлопотать, из сил хлопочу, да все пути нету... Вот и ноне ездила также. Научил меня один барин, добреющий такой барин: сходи, говорит, ты... уж я не скажу тебе, как он его назвал, только к набольшему ихнему чиновнику; попроси, говорит, что он скажет!

-- Ну?..

-- Ходила, родный, и в ноги падала, да все один сказ: не могу, говорит, ничего доспеть, еще каторгой страшает.

-- Эко жаль-то какая, а?

-- Ну, что, как изаболь этакое-то попричится с ним, куды я без него тогда с малыыми-то детищами, Левонтий Савич? -- со слезами говорила уже Митревна, сморкаясь в кончик головного платка, -- и так-то с ног совсем сбилась! Не поверишь, все-то хозяйство в разруху идет, а Ванюшка-то, где ему еще заправлять! малый паренек-то хоша и помогает, да какая его помочь-то, все не то, как сам-то бы!

-- Это чего говорить, мужско дело, знамо. А ты бы к губернатору?

-- Да уж все начальство, как есть, исходила, инда в шею гонят, мужичье дело-то!

-- Это точно, мужичье-то мужичье!-- с раздумьем произнес Левонтий Савич, почесывая в затылке.

-- Охо-хо-о! что уж и будет, только господь ведает! М так скажу тебе, Левонтий Савич, ровно одно к одному идет уж. Не знаешь ты мово еще горя-то: на днях ведь коровушка пала.

-- Ой!..

-- Ей-богу.

-- Ишь ты: где тонко, там и рвется-то!

-- Подлинно напущенье божеское! Прибежала это с поля словно одурелая; я пока туда да в ино место металась, ах да ох, а она уж и ноги протянула... И бог ее знает, чего с ней доспелось такое... утром еще была совсем здоровехонькая... Поветрие, что ль, аль с веху²!

-- Должно, с веху, это бывает; падка ведь скотина-то до веху, ланись³ у Лапинских таким же манером!

-- И я думаю, с веху, а еще сбиралась в город ее свести продать -- деньги-то уж вот как надуть. И он-то скудается: знамо, в неволе каждый шаг окупил, а где набраться-то их, с каких достатков-то! И как это, Левонтий Савич, подумаешь, жали-то в людях ничего нету. Ноне, скажу тебе, в самый петров день, поехала я также в город повидаться с Ларивоном Прохорычем, ну, да и разговеться везла ему. Вот приехала к острогу и пошла это по ихним порядкам к офицеру: "Допусти, говорю, батюшка, с хозяином свидеться?.." Есть, Левонтий Савич, скажу тебе, и там хорошие люди!

-- Это чего говорить, хороший человек везде есть!

-- Есть. Другой со слова пустит, а тут прилучился какой-то. Бог его знает, словно не совсем и в разуме, затоптал это на меня ногами да как вскричит: "Вон, говорит, разтакая-сякая, только, говорит, и знаете ходить, да по своим мошенникам канючите!" Так я, поверишь ли, не знала, куды мне и деться-то, так обробела! Кое-то как вышла от него... и таково-то мне потом горько стало! Господи, думаю, Царь небесный: людям праздник, а тут и повидаться-то не дают! И плачу, знаешь, горькими слезми плачу... а тут солдаты-то, которые вышли, смотрят на меня да и спрашивают: "Что ты, говорят, молодлица, убиваешься?" Я и говорю им. "А ты, говорят, унтера попроси, може, и пустит!" Ну, послушалась я их,

пошла это, знаешь, к унтеру; сидит он такой усатый из себя да только в трубку попыхивает. Я и говорю: пусти, батюшка, век твоей милости не забуду. "А офицера, говорит, просила?" Просила, говорю, родимый, просила, да осерчал уж больно, и обсказываю ему это самое дело. Выслушал он и говорит: "Нельзя!" Я в ноги: хоша для малых-то детищ, говорю, пожалейте! Вижу, разжалобился покорством моим. "Ну, говорит, так и быть, приму грех на свою душу, косушка-то идет, што ли?" А у меня на ту пору и денег-то, Левонтий Савич, не случись, я и говорю ему: нетути, мол, денег-то, кормилец; обожди, ужо упосля привезу. "Ну, а коли нет, так и свиданья, говорит, нет!"

-- Вишь как!

-- Ей-богу... "Были, говорит, с вашего брата жданы-то, да все съедены". Нечего ведь делать, Левонтий Савич, пошла в кабак, заложила плат с головы, купила ему энтой прорвы-то, ну и пустили; по крайности, хоша разговелся голубчик мой!.. Так вот, Левонтий Савич, каково оно! Чаво ты без денег-то доспеешь?

-- Это чего говорить -- деньги, что капель: и камень долбит, а при таком случае всякий норовит, кабы с тебя же!

-- Всю, почитай, Левонтий Савич, какая была лишняя одежонка-то, продала... Курочки это голанки были -- чиновнику подарила, да тот хоша, спасибо, научил, куда сходить-то, да все без толку! -- И Дмитревна, подперши щеку рукой, пригорюнилась. -- А думал ли, гадал ли он над собой этакое-то горе! -- снова заговорила она, качая головой, -- вот оно, болезный, воля-то каково пришлась!

-- Ну, чего говорить, пришлась вплотную! -- И, подойдя к телеге Дмитревны, Левонтий Савич приподнял заднее колесо и осмотрел шину, -- о!.. новая!

-- Новехонькая; незадолго ведь до несчастья справлял ее Прохорыч-то.

-- Ковка ничаво! -- произнес знакомый уже нам солдат. -- А как: в городе аль свои мастера? -- спросил он Дмитревну.

-- В городе, служивый, где нам: у нас и заводов таких, чтобы ковать, нетути.

-- Ничаво; ковка, одно слово!

-- Ковка, чаво говорить!.. -- произнес Левонтий Савич.

-- А вы как, здешние? Из каких, значит, местов-то? -- вновь спросил Дмитревну служивый.

-- Мы-то здешние, из Сосновых боров.

-- Это что тутотка, от Полесья недалеча?

-- Эти самые... с семой версты сворот еще!

-- Знаю!.. стало быть, здешние?

-- Здешние!.. откелева нам быть-то!.. Допреж были помещичьи, Александра Михайлыча Зорина, может, не знаете ли- он тоже в кавалерах был, ну, а ноне-то вольные стали!..

-- Э!.. как не знать! Полесье -- место доброе!..

-- А вы как таперя, тоже здешние, из городских солдатов-то? -- спросила его в свою очередь Дмитревна.

-- Гарнизонные; в лесной команде были, уголь жгли, да приказ вышел такой, чтобы прибыть беспрерывно, вот и едем!..

-- Тэ-эк... Что же, служивый, спрошу вас: вы и службу тоже отбываете?

-- Маненько отдохнули было в команде-то, а таперича сызнова доведется, верно... Тяжела служба-то наша: почесть с утра и до ночи вздохнуть не удастся!..

-- И не говорите, насмотрелась я на солдатское-то житье! А как вы, тоже и в караулы, в остроги или как тамotka ходите?

-- Не токма что в караулы и в конвой таперича ходим... все порядки как следоват сполняем!

-- Тэ-эк... Ну, да что говорить: хоша и ваше-то дело -- служба!

-- Служба! -- подтвердил солдат.

Разговор пресекал. Левонтий Савич, оцупав заодно с шиной и гужи и попробовав их, туго ли они натянуты, отошел и направился к лугу, где Ванюшка, сын Дмитриевны, стоял с поводом в руке около чалки, отмахиваясь лопушником от комаров и мошек, облеплявших его открытую, загорелую шею... Дмитриевна, глубоко вздохнув, сделала какой-то неопределенный жест рукой и пристально посмотрела на солдата.

-- А что, господин служивый, попросить бы я вас хотела, да не осмелюсь! -- робко начала она.

-- Примерно насчет чего эфто?

-- Коли милость ваша будет,-- и Дмитриевна, поклонилась ему,-- вы вот в остроге-то бываете, так повидаться аль передать бы чего не сможете ли? Муженек у меня под несчастьем, почитай, с покрова другой годок пойдет, как сидит тамotka!

-- Отчего, с нашим удовольствием; это что!

-- Сделайте божеску милость -- век бы стала за вас бога молить! -- и Дмитриевна снова поклонилась ему.

-- Не сумневайтесь: нам все единственно, потому мы того!-- Служивый хотел еще что-то сказать, но, как видно, в его и без того не богатом лексиконе не приискалось более подходящего слова, и потому он только крякнул и поправил кепи, постоянно слезавшее на затылок.-- А он как, за душегубство? -- спросил он.

-- И, что вы, господь с вами, не такой он человек! Вот хоша на Левонтия Савича сошлюсь... Какое душегубство, болезный ты мой... совсем задарма! Уж коли бы за душегубство, так, на мой глупый разум, оно бы и легче было; по крайности, знал бы, за что в ответе, а то темный человек: чего скажут люди, тому и веришь. А кто его знает, как оно тамotka, хорошо иль нет... простота-то ведь наша, сердечный, хуже воровства!

-- Это точно: вот и промеж нас тоже... писарь аль и так иной грамотный так вдругоредь обделает... отлепортуют, примерно сказать, до новых веников не забудешь!

-- Беда темному-то быть!

-- Э... темный человек, что стена! -- глубокомысленно заметил он.

-- Стена, родимый, стена; кабы сам-от письменный он был аль читать-то бы по-грамотному умел, так неужели бы чего такое сделал! А то говорят

тоже люди: поди, Прохорыч, да поди, наше дело правое. Оно-то бы сначала и отнекивался: чужло, верно, сердечушко-то, ну, да мир приступил: ты, говорит, одна голова у нас, на тебя вся надежда; ступай уж, мы те, говорят, во как будем благодарны, только ступай! Послушал ихнего гомона, пошел, да вот и находил на свою головушку!

-- Должно, с челобитьем?

-- Как же! Жалобиться ходили, и не он один: Аксентий Фомич, наш сотский, да десятский Кирило Кондратьич, да, може, не знаете ли Илью Афанасьича, Подпекой прозывается, такой это торговый мужик и степенный: сорок колодок пчел одних имеет... Всех их заодно и порешили!

-- Ну, коли жалобиться ходили, так знамо -- дело пропащее! А примерно будучи сказать, насчет какого резона-то жал обились?..

-- Да по воле все, милый сын... Как и сказать-то уж вам про это дело... мне и самой чтой-то невдомек оно... Сначала-то, скажу тебе, как прослышали наши мужики про волю-то, так только и гомону промеж них было, что про нее... Все это гадали, все гадали, коли да как, да чтой-то будет... Многих и сумнение брало, а другие, которые исподтишка и продавать, почитай, все стали: мы-то, говорит, на новые земли пойдём, а энто все барам отберут... Всячины, скажу тебе, было в те поры. Смехоты, скажу вам, было! Памфил это есть у нас такой, ровно полоумный из себя мужик... Я, говорит, таперича, кроме барской бани, ничего себе не возьму... уж больно охочь париться!.. Ну, которые и смеялись над ним: "Мотри, говорят, Панфилушка, баню-то не прозевай. Как бы барин и в самом деле не задал тебе баню"- Много толков-то ходило, говорили таперича тоже, что хранцуз все окупить хочет. Ну, только вот, милый сын, вышла воля. Прислали это наперво в деревню к нам бумагу такую, где прописано было, чтобы всем, значит, беспременно читать свою волю; грамотных-то, чтоб читать, у нас, почитай, никого не было... Был один солдат, да уж запивал шибко, наши-то и не верили ему; брехать был охочь, все войной пугал. Пошли в другую деревню к батюшке... Прочитал он это волю, слушали, слушали наши-то, только видят, что словно не по ихнему выходит. "Да так ли ты, батюшка, прочитал?.." -- спрашивают его. "Так, говорит, милые люди, слово в слово, как написано". Ну, ничаво!.. приехал погода того к нам и посредственник⁴; нашито к нему, почитай, всем селом, спрашивают: как оно, что?.. будет ли все это, как допреж толковали? "А вы,--говорит посредственник,-- присланное-то вам читали?" -- "Читали!" -- наши-то говорят. "А поняли?.." Ну, которые сказали, что поняли, а другие позаперлись маленько... Начал он это им толковать, долго толковал, и красно таково; слушали-то все; почитай, без шапок стояли, так это слушали. И поняли, кажись, а все выходит как-то мудрено. Знамо, темные люди... как это там все прописано, бог весть! Ну, и он сызнаво спрашивает: "Поняли ли?" Наши-то и говорят: "Да уж оно как не понять... поняли!.." -- "Ну, так какую вам еще волю надуть? Ступайте-ко, говорит, по домам, да грамоты суставные⁵ бесперечь давайте!.." И пошел это было,-- только Панфил-то полоумный и

спрашивает: "А баню-то, говорит, барскую отдадут?.." -- "Какую, говорит, тебе баню?.." -- "Барскую".-- "Пошто?" -- спрашивает посредственник, а наши-то Панфила пихать уж было назад... Знамо, с дурости-то наговорит еще, всему миру достанется. А тот и приступил: "Какую, говорит, тебе баню? Что, говорит, это значит?" -- "Париться!.." -- Панфил-то говорит... и обсказывает это все... Ну, сударь ты мой... тут посредственник, дознавши все это, и почал нашим говорить, что все это брехня. Выслушали наши и решили, что, должно, и в самом деле так. Вот только, погодя того, не скажу уж теперь сколько время-то, и пройди весть, что воля эта -- не та воля... Слушают наши мужики, а сумление их пуще берет... потому дело вековое! Собрали, милый человек, крадучись, сход за селом, долго это толковали; только Илья-то Подпека и говорит: "Съездим, братцы, в Ипатово, поспрошаем, как оно... у них же и грамотный человек такой есть; уж тот в обиду не даст!" Поехали. А тем случаем, скажу тебе, управляющий наш, Карла Иваныч, и прознай это дело да к ночи, слышим, и в город уехал... Ну, да ничаво; сход остался, почитай, до первых петухов, все ждали из Ипатово-то. Которые не утерпели, сызнова верхами поехали, так задор-то брал их. И молодницы-то тут же ждали, и молоденьких-то спать не покладешь... Право, так оно было в те поры!.. Ну, только и слышим, милый человек, едут. Еще издали кричат: "Правда!" Ну, и сказали они, приехавши, что в Ипатове это доподлинно известно, что эта таперича говорил ипатовцам какой-то чиновник, и просьбу сам брался написать, и выходить волю, как есть... Ну, и сказали ипатовцы нашим-то, что завтра они которых побойчее шлют к губернатору с челобитьем. Тут и наши, скажу тебе, поднялись и загомонили это, и загомонили, да, почитай, всю ночь, милый человек, проклажались насчет эфтого дела, и решили тоже таперича не отставать от ипатовцев. Ну, и приступили к Илье-то Афанасьичу да к моему-то хозяину: поезжайте да поезжайте! Левонтий-то Прохорыч, хозяин-то мой, сначала было и призадумался, ну, да видит, что Илья Афанасьич да Аксен Фомич бесперечь берутся за эфто дело, и решил... И поехали они, милый человек, да так, скажу тебе, и по сей час застряли там. Пришли, сказывал уж он опосля, в город к начальству, а там уж все знают. Ну, и забрали. Вот и все дело, болезный мой! А наши-то, деревенские, скажу тебе, проводимши их, все ждали: вот будут, вот будут! и в кабак уж послали вина шесть ведер купить, чтобы встретить... Только, вместо их-то -- к вечеру этак дело-то было -- и прикатили становой да посредственник... Вот как оно, какое дело-то, скажу тебе!..

-- Да, ишь, как оно вышло... еще водки купили!

-- Купили, милый человек; ну, да им-то что! все равно роспили... а вот моему-то каково голубчику в ответе быть! Вот что, сердешный, подумай-ко ты это?

-- Это точно, всякому свое!..

-- Как узнала я все это, оказию-то ихнюю, так не поверишь, милый человек, почесть, лоском и пролежала цельные сутки. Царица небесная! думал ли, гадал ли он!.. Да и он-то уж говорит: "Кабы знал это все, так бог

бы с ней, и с волей! Ни в жисть бы не поехал!" Ну, да што поделаешь -- божие соизволение!.. Охо-хо!

И Дмитревна снова принялась высказывать дрожащим от слез голосом накипевшее в груди ее горе. Солдат слушал молча, изредка только качая головой в знак своего участия.

-- Так уж не оставьте вашей милостью,-- снова начала она упрашивать его.

-- Будьте без сомнения... Одно слово, будьте благонадежны!

-- Уж век бы стала бога молить за вас.

-- Не сомневайтесь; сказано: спросите только ефлетора Кузьму Баландина. Мы ведь тоже... у нас таперича и по капральству... аль пред командерами что... все порядки как есть... а уж насчет чего, только Баландина спросите!

-- Дай бог вам за это... не погнушались сиротскими слезами... Уж и я вам, почтенный, буду благодарна,-- не сомневайтесь и вы!

-- Не тревожьтесь... Вы-то в город? -- спросил он, как бы желая переменить разговор.

-- В город... продать вот кое-чего набрала. Ну, да и повидаться охота, страсть, ведь, как их там держат!

-- Да оно... держут в смиренстве!..

-- Как посмотришь, выведут-то их: худые-расхудые, инда сердце надрывается, со стороны глядя!

-- Э, на то и острог; сказано: не разъешься!..

-- Ох, не разъешься, правдива ваша речь!.. А что, служивенький, как вот прозывать-то вас, не знаю!..

-- Кузьмой!

-- А по отчеству-то?

-- Селифонтов был в старину, отца-то Селифонтом звали...

-- Тэ-эк... Кузьма Селифонтьич, значит; буду знать... А что говорю, не хотите ли, может, попаужинать: я бы того...

-- Благодарим покорно вашей милости: недалеча и до города; придержим выть-то!⁶

-- Молочка я везу маненько Левонтию-то Прохорычу, да ягодок... так похлебали бы, не поспесивились.

-- Коли милость будет, так ништо: щи-то у нас больно сквозят, а молочка, признаться, уж я давно не хлебывал, а охочь до него!..

-- Похлебайте: молочко-то густенькое, и чашечка есть у меня, ноне купила ему, а то все скудался по посудинке-то... только ложечки вот нетути, а может, через край?

-- Э, насчет эфтого того... мы ведь везде со своим хозяйством,-- говорил он, доставая из-за голенища сначала кисет и трубку, потом уже деревянную, с обхлебанными краями ложку.

Дмитревна, налив из туеса в чашку молока и насыпав ягоды, подала ее Кузьме Селифонтьичу со словами:

-- Кушайте на здоровье, не поспесивьтесь!

-- Благодарим покорно!.. А насчет того, что говорил вам, сказано: не сомневайтесь... Таперича я для вас все сделаю, только Баландина спросите! -- говорил он, принимаясь за предложенное ему угощение.

Солнце давно уже закатилось, и сумрак постепенно охватывал предметы, сливая их в одну непроницаемую массу. На противоположном берегу кое-где на плотках и барках засверкали огоньки, разведенные бурлаками для варения скудного ужина, и красные полосы света ложились от них по реке. Над лугами белой волнующейся пеленой носился туман. Воздух был сыр, но тепел; в траве слышалось неумолчное трещание кузнечиков, в ближнем лесу порой раздавался тяжелый взмах крыльев напуганной чем-нибудь птицы, или слышалось тревожное ржание лошади, зашедшей слишком далеко от места пастбища...

Парома все не было, несмотря на усиленные крики ожидавших его. Синяя чуйка давно уже вышла из себя, и вместо "эхма!" -- густая брань и проклятия сыпались от нее неумолкаемо на содержателя перевоза. Старушка-странница, удовлетворив вполне любопытство слушавших ее, успела уже и соснуть и, вынув из котомки ломоть хлеба, ужинала, с трудом пережевывая зачерствелую корку. Даже игроки утомились упражняться над своими носами и мирно беседовали между собой о том, "кому сколько трепок тятка задает?".

-- Ах, чтоб те лешаки драли... Митюха! мотри-ка, нет ли?

-- Чего мотреть-то, отвалят, так мимо не проедут; а нет, так мотри -- не мотри, все одно! -- сердито отозвался Митюха, которому нестерпимо хотелось спать.

-- Ах ты, черт какой! а?

-- Вот те и черт... знай!

-- Кабы чиновник наехал, так пошевелились бы! -- сказал мужичок с рысьими глазками, беспокойно прыгавшими от одного предмета к другому, точно высматривая, что поспособнее спрятать в карман.

-- Э! колоколец они, анафемы, далеча слышат! У тех ведь, брат, расправа коротка!

-- Коротка!

-- Коли что, так и нагайкой!

-- Ну, нет, брат, не говори: иной кулак хлеще нагайки бьет...

-- А ты пробовал, што ль?

-- Да чего на веку-то не испробуешь! -- отвечали лаконически рысьи глазки, внимательно присматриваясь к возу с сушеной рыбой.

-- Насмотрелся и я,--заметил Левонтий Савич,-- этта, скажу тебе, барин какой-то также напустился на паромщика-то да мазать принялся; так уж он его и так-то, и этак-то, на все манеры, ей-богу. Так тот вырвался как ошалелый, так в воду и прыгнул вместо парома-то, аж народ-то все животики надорвал: вот как он его взбутил!

-- Шустрый, верно?

-- И... А чего бы, кажись: из себя-то жиденский, ну, да звезда во лбу была. А тоже, брат, посудить и ихнее-то дело, перевозчиков,-- не красно

же житье! Иной, почитай, целый день гоняют взад да вперед, а плата-то какая, и харчи тоже совсем не по работе... А осень-то настанет, да заморозы начнутся, так другой на всю жизнь без ног останется!

-- Отвалили! -- крикнул кто-то с мостков.

-- Ну!

-- Ей-богу!

-- Врешь?

-- Во -- мотри, чего врать-то... за вранье денег не платят!

Паром действительно отвалил, и в тишине по реке звучно раздавались мерные всплески весел. Все всполошилось: кто бежал на луг к пасущимся лошадям, кто приноравливал телегу поближе к мосткам, чтобы занять на пароме лучшее место. Солдат, покровитель Дмитревны, тоже помогал Ваню-хе подтащить телегу поближе, и даже поспорил по этому поводу с татаринном, не дававшим ему дороги, назвав его свиным ухом.

-- Ишь, лешаки бы вас драли, кое время выпались! А? -- ворчала неугомонная чуйка,-- ведь сколько, милый человек, убытку из эфтого таперь понес: ведь с вечера-то я бы всю рыбу запродам, а теперь вот жди, пока навернется покупатель! -- говорил он мужичку с рысьими глазками.

-- А вы промышленники? -- спросил тот.

-- Промышляем, грешным делом!

Толкотня и говор по прибытии парома сделались еще гуще. Все торопились, и все, как водится в подобных случаях, мешали друг другу. Чаще всего, впрочем, слышалось: "Эй, поналяг! ну, еще! вот так!" -- "Ух!" -- раздавалось под конец, когда тяжело нагруженная телега с громом вкатывалась на паром.

-- Лошадей-то, мотрите, привязывайте вы, лапотники! -- кричал рослый, стоявший у руля паромщик, раскуривая трубку.

-- Ну, шитые лыком сапоги, молчи -- аль в купцы выписался, спесь-то напустил! -- слышалось в ответ ему с берега.

Наконец все было готово; накинули барьер, и тяжело нагруженный паром тихо тронулся с места, благодаря дружным усилиям гребцов, отпихивавшихся от берега шестами.

-- Господи благослови! -- крестясь, говорили многие, когда паром отплыл на достаточную для гребли веслами глубину.

МИРСКОЙ УЧЕТ

Максим Арефьич Ознобин, собираясь вывозить из тайги лес, заготовленный с весны на сруб для амбара, сколачивал на дворе дровни, когда приехавший из волости сотник сообщил ему, что он избран обществом в учетчики и должен явиться в волость. При взгляде на Максима Арефьича ему никто не дал бы более пятидесяти лет: до того он был бодр и свеж на вид, хотя ему давно было за семьдесят. Темно-русые волосы на голове не имели ни одной седины и, подстриженные спереди в

скобку, обрамляли прямой, широкий лоб, прорезанный крупной морщиной, нависавшей над бровями, когда он задумывался. Лицо его было одно из тех, какие не часто встречаются в жизни. Особенного в нем ничего не было, но, всмотревшись пристальнее, вы замечали под наружную грубость душевную теплоту и спокойную ясность, выражающие лучше слов и действий нравственную жизнь человека. В небольших серых глазах, смотревших несколько исподлобья, проглядывала ирония и вместе сосредоточенность мыслящего человека. Он был не словоохотлив, угрюм, но когда говорил, то речь его была тиха, обдумана и выказывала опытный, наблюдательный ум, спокойно взвешивающий каждое явление, прежде чем произнести об нем решительное слово. Он был необщителен и точно сторонился от людей. Соберутся, бывало, однодеревенцы его в праздничный день около какой-нибудь избы, кликнут и Максима Арефьича примкнуть к беседе их, но молча махнет он рукой вместо ответа и примется за работу. А работу он всегда находил себе и не верил, чтоб у человека не могло найтись дела. Только неутомимым трудом он и не допускал нужды в избе своей. Не любил он вмешиваться в дела и в жизнь соседей и давать советы прибегающим за ними, говоря, что "свой ум в голове -- лучший советчик, а у кого нет его, тому чужой не поможет!". Не любил выслушивать толки и пересуды крестьян друг про друга, на которые так же падки обитатели утлых, убогих деревенок, как и шумных столиц и городов. По волости знали его за человека глубоко честного, доброго, хотя уклончивого. Но уклончивости в нем, собственно говоря, не было, и в тех случаях, когда дело касалось общественных интересов, он всегда приходил на сходы и молча выслушивал все толки, особенно же толки крикунов, которыми одинаково изобилуют все слои общества. Он никогда не возвышал против них своего голоса, зная по опыту, что мнения подобных людей лопаются, как мыльные пузыри, от столкновения с действительностью. Иногда и он высказывал свое мнение, и многим приходилось оно по душе, по ясному пониманию дела, изощренного опытным и наблюдательным умом.

Известие о выборе в учетчики было не совсем приятно для Максима Арефьича. Кроме того, что это отвлекало от хозяйства, он знал, с кем будет иметь дело, и заранее был уверен в неблагоприятном исходе его... Но все-таки в тот же день, прибравшись по домашности, уехал вместе с сотником в село Вог..., где находилось волостное правление.

Учетчики избираются крестьянами при вступлении на службу вновь избранных волостных начальников и при смене выслуживших сроки. Учетчики, как и волостные начальники, приводятся к присяге, прежде чем приступить к своей обязанности учета правильного сбора податей и денежных и хлебных недоимок с крестьян. В учетчики всегда избираются крестьянами люди испытанной честности, но не всегда грамотные, и, несмотря на это последнее обстоятельство, учеты производятся до мельчайших подробностей. Путем соображения при подушном раскладе, они высчитывают с такою верностью не только восьмые, но и шестнадцатые доли копеек, какой позавидовал бы любой контрольный

или интендантский чиновник. Ни один учет не обходится без открытия крупных злоупотреблений и начетов на волостных начальников, но в большинстве случаев они проходят для них безнаказанно и падают всю свою тяжесть на тех же крестьян.

Задолго до смены выслуживших срок волостных начальников Бог...ой волости, раздавался ропот на тяжесть поборов и злоупотребления собираемыми суммами. Волостной голова, Акинф Васильевич Сабынин, пользовался хорошей репутацией, но, будучи человеком болезненным и недалеким, он не понимал своего назначения, не вникал в дела и нередко по месяцу не показывался в волость, которую управлял заседатель по хозяйственной части, Николай Семенович Харламов. Более всего смущало крестьян и наводило на мысль о злоупотреблениях, что Николай Семенович, человек более чем бедный, со времени выбора его в хозяйственные заседатели стал быстро поправляться. Сначала он прикупил лошадей, потом под предлогом, что служба отнимает много времени и хозяйство приходит в упадок, нанял двух работников и увеличил запашку хлеба. Затем и изба его показалась ему мала, и через год наемными рабочими он выстроил чистенький домик с обширными амбарами. "Растет Семенович не по дням, а по часам!" -- шептали, покачивая головами, крестьяне, но откуда брался рост у Семеновича, для многих все еще оставалось загадкой. Как человек, он был ласков и уступчив; собирая подать, не прибегал к насилиям и терпеливо ожидал, когда недоимщики справятся с деньгами и сами внесут ее. А чаще всего за бедных и случайно подвергшихся несчастьям крестьян он вносил свои деньги. Подобные должники расплачивались с ним по частям хлебом, льном, лыком, кедровым орехом или зарабатывали ему свой долг. Вставши в более близкие отношения к нему, они хотя и замечали за ним кое-что, но из чувства благодарности и зависимости должны были молчать. Догадывались об источниках его обогащения и те из крестьян, которые были побогаче и не имели с ним обязательных отношений, но тоже молчали, зная, что он был нужный для них человек. Николай Семенович умел жить с ними, потакая их произволу относительно бедняков. Он, впрочем, со всеми умел жить, зная людей и быстро подмечая слабые струны каждого и обходя все, что могло раздражать и вызвать неудовольствие. Благодаря этому такту, он так обставил себя, что и неодобрительные отзывы про его деятельность раздавались не иначе как шепотом. Его боялись, несмотря на видимую уживчивость, тихий нрав и мягкую до приторности наружность. Живые карие глазки его всегда так лукаво ласкали, певучий голосок приятно щекотал слух казалось, вкрадывался в душу; небольшое круглое лицо с острым вздернутым носом и пухлыми румяными губами, обрамленными черною бородкой и усами, привлекало своей миловидностью, а в особенности характерною улыбкой, выражавшей не то иронию, не то внутреннее довольство собой. От этой улыбки и певучего ласкающего голоса люди, знавшие его ближе, всегда чувствовали инстинктивную робость и стеснение. Убаюкав свою предупредительную услужливость ум и волю волостного головы, он

постепенно отстранил его от дел и, осторожно проследив все действия волостного писаря, поставил его в безвыходную зависимость от себя.

Игнатий Петрович Коробов, допущенный в волостные писаря из ссыльнопоселенцев, по первым приемам его догадался, с кем имеет дело, и после непродолжительного объяснения, происшедшего между ними на первых же порах, они поняли друг друга и превратились в закадычных друзей. С этого времени и начались по волости небывалые прежде поборы, порождавшие даже в легковерных умах сомнение в законности и необходимости их.

Быстро прошло трехлетие, быстро оперился и Николай Семенович, превратившийся из бедного человека в зажиточного. Он заметно пополнел, и солиднее обложился подбородок его пушистой окладистой бородкой. Голос, сохранив все тот же певучий тон, приобрел уверенность, свойственную людям, сознающим свое финансовое или бюрократическое превосходство. Знакомство он повел с людьми зажиточными, принимая только их в своих чистых горницах. Бедняки же, обращавшиеся к нему с просьбами, нередко по часу, по два ожидали его на дворе или в черной жилой избе. Около дома его, с резными воротами и подоконниками, останавливались и повозки заезжавших к нему в гости купцов. Привык он и к незнакомым ему до того удобствам жизни: и к чаю, и к тележке с коваными окрашенными колесами на длинных дрожинах. В разговорах он приобрел привычку многозначительного задумываться, заложив пальцы рук за алый кумачный кушак, тянуть слова, и слова не простые, а все более отборные, неслыханные: "резонт", "атшлифовка", "пальтурный человек", "фартибликация" и т. п. И дивились, слушая его, простодушные крестьяне, откуда у Семеновича столько ума вдруг взялось? Вырос за это время и у Игнатия Петровича на конце села домик с антресолями на выточенных колонках, и взял он на себя подряд от крестьян села Бог... содержать земскую квартиру для приезжающих властей. И полюбили его власти, потому что нигде так пышно не взбивались для них пуховики, нигде не пекли таких сочных и вкусных рыбных пирогов, не жарили так мастерски цыплят, как у Игнатия Петровича. И в какую бы пору ни приезжали исправник или заседатель, у Игнатия Петровича всегда находился для дорогих гостей и ямайский ром, и густые домашние наливки, а в частую и бутылочка, другая шампанского. Кроме хлебосольства исправника привлекали к нему черные глазки и свежие пухленькие щечки его дочери. Игнатий же Петрович был так предан начальству, что не имел от него ничего заветного. Не меньшим расположением властей пользовался и Николай Семенович. Исправник объезжал волость не иначе как в сопровождении его и постоянно в одном тарантасе с ним, что еще более сковывало возникавший против него ропот крестьян. На сельских сходах исправник постоянно высказывал крестьянам мысль об избрании Николая Семеновича головой. И действительно, перед выборами по деревням сильные своим влиянием богачи подстрекали крестьян на выбор Николая Семеновича, так что выборы долго колебались между ним и другим кандидатом, Антоном

Аверьяновичем Бобовым. Но сверх всякого ожидания, приниженная и задавленная бедность подняла на этом сходе громкий ропот о злоупотреблениях, и головой был избран Бобов.

Подобный оборот выборов застал Николая Семеновича и Игнатия Петровича врасплох, не подготовленными к смене и учету. Неодобрительно взглянуло на исход выборов и земское начальство, но воспрепятствовать утверждению вновь избранных волостных начальников не могло без особенно уважительных причин, тем более что избранный голова слыл за человека умного и не замаравшего себя никакими предосудительными поступками.

Настали тяжелые дни для Николая Семеновича и Игнатия Петровича, который дни и ночи проверял и перебеливал черновые денежные книги и тетради, составлял из них выписки и ведомости. Николай Семенович безвыездно жил в волости, забыв о доме и хозяйстве. Нередко вдвоем, запершись наглухо, они советовались между собой, и Николай Семенович замечал, что, в присутствии новых волостных начальников, Игнатий Петрович постепенно охладевал к нему и исподтишка наводил их на следы злоупотреблений. Через месяц после выборов из губернского правления был прислан указ об утверждении в должностях избранных волостных начальников и о приводе их к присяге. Но прежде чем вступить в должности и принять денежные документы и суммы, новый голова собрал сход для выбора учетчиков, и общий голос крестьян пал, как мы видели, на Максима Арефьича.

-- И чего бы усчитывать-то! -- раздраженно говорил Николай Семенович, пришедший к Максиму Арефьичу, не успевшему еще обогреться с дороги по приезде в Бог...-- Дела светлей солнца, без хвастни сказать, так нет, усчитывать, кричать надоть! Что ж, и усчитывайте, говорю, коли веры нет, не сами вы волостными сели, вы ж, говорю, общественники, выбрали¹. Ах! да грехи одни обсказывать-то! -- заключил он, махнув рукой и быстро, но пристально окинув взглядом Максима Арефьича, сидевшего напротив него у печи, как бы желая уловить впечатление, произведенное на него речью.

-- Порядок-то один ведь, не тебя первого, всех усчитывают!..-- ответил Максим Арефьич, облокотившись руками на колени и глядя в пол.

-- Считай! Да до времени, говорю, не порочь человека -- вот что!

-- А разве несут на тебя?

-- Послушай-ко, чего поют-то? Плут из плутов стал. Бона до какой чести дожил за мое-то радение! Да пошли им господи за ихнее-то спасибо!..

-- Диво, что беспричинно-то это?

-- Кабы причина была, душа бы не болела, Арефьич! -- знал бы, что за грех ответ несут!..

-- И не убивайся до время, коли совесть чиста!.. Николай Семенович пристально посмотрел на него, и на губах его мелькнула неуловимая улыбка.

-- И в самом деле, ты вправду говоришь,-- снова начал он после минутной паузы,-- и то, не с чего убиваться-то! Бедко² только, говорю, что за мою-то добродетель экая отплата! Спроси-ко теперь по волости, кто бедность-то в нуже выручал -- я! У иного бы за подушную-то последнюю лошадь аль корову со двора свели, а свел ли у кого я? Никто не скажет! Бывало, последние свои деньги внесешь, только б не зорить! И теперича за кого кровь-то свою сочил -- на тебя же орут, за добро-то мое! Разве это не бедко, Орефьич?

-- Бедко-то бедко... да чего ж делать, стерпи!..

-- Не легко терпеть-то оно! Не мои бы годы, а инда слеза бьет!

-- Увидят, неправду несут, и образумятся, им же стыдней!..

-- Рад вот я, что ты в учетчики-то попал. Ты не то что другие, ты обсудишь! Теперя, к слову сказать, и в самом деле, коли где недочет -- ведь грамотное дело-то, каждую-то копейку в памяти не удержишь! Посуди ты, чем я-то повинен! Я и сам человек подначальный был! Голова что прикажет, бывало, то и делал, ты и спрашивай с головы! А поют, вишь, что голова-то знал пролежни на боках растить, а волостью-то ты, говорят, заправлял, порядки-то всякие вел!

-- Оно и вправду ведь, Николай Семеныч, чего ж таиться-то? -- спросил его Максим Арефьич после короткого раздумья.

-- Не отопрись! Да ведь я про то говорю, что если б и ты был вподначале у кого и сказали бы тебе: энто ты вот так сделай, а энто этак, кто ж должен, по-твоему, в ответе быть, рассуди!..

-- По-моему-то? не прогневи, на мой бы ум тот, кто делал...

-- А с какого ж бы резонту?

-- Коли неправду какую тебе наказывают -- отшатнись, на мой ум, не примамай и греха на душу!

-- А опосля б того за непокорство к суду иди?

-- Иди!.. Коли ты с чистой совестью, нигде не пропадешь, а все твоя правда сыщется, свечой загорит!

-- Вон оно как по-твоему-то! Ну, а как теперича ты вот это дело рассудишь? Скажу, не таясь, есть у нас недочет. Еще донского году как-то исправник наказал справить дорогу в Со...но, Акинф-то Васильич сгоряча тогда и оповестил их: ваш, говорит, участок {Исправление дорог в Сибири составляет одну из натуральных повинностей крестьян. По общему размежеванию, производимому крестьянскими обществами,-- дорога распределяется участками по деревням и потом посаженно распределяется на каждую душу в семье. Иногда крестьяне сами выезжают на поправку своих участков. Чаще же, по обоюдному согласию, исправляют их подрядом, собирая подряженную на расплату сумму, по сколько причитается по раскладке с каждой души. (Прим. авт.)}, правьте!.. Ну, Со...цы-то и приговорили в то время наймом выправить и деньги собрали, и приговор на это есть! Ладно! Храню эти деньги, при общей поправке, думаю, приложу и их: заодно уж труситься-то! Только и придишь нам вносить подать, а мы в те поры, на грех, много не добрали. Акинф-то Васильич и говорит- "Взропчет начальство, что мало собрали,

прилож-ко, говорит, к ней и энти деньги, все, говорит, повидней будет, опосля, говорит, как ни есть обвернемся!" Я и приложи по его-то слову, а он тепер в отпор: "Каки, говорит, таки деньги, я и не помню!" Ну, кто ж повинен-то, что такая совесть у человека, а?... -- Ты!..

-- Все я... Ах, путай те грех!

-- Ты! -- снова повторил Максим Арефьич,-- и солнца бы чище у человека совесть была, а все этих делов глаз на глаз не делай, неровен случай!

-- Что ж, за все свидетелев, что ль?

-- Очищать себя греха нет, Николай Семеныч... особливо в крестьянской копейке! Крестьянская-то копейка -- та же кровь!

-- Ах! тогда бы вот экую-то науку, а тепер уж поздно!..

-- Поздно, Николай Семеныч, поздно!.. Мал бы на што ты стал собирать с мира деньги, а голова бы тебе наказывал, туды их приложь, да в ино место прикинь, а ты бы и клади, да прикладывай! На что ж ты после этого хозяином-то по волости был выбран? Дело-то головы порядок блюсти, а твое -- счет охранять, что свою душу, мирскую-то копейку!

-- А-а-ах! грех! накупаешься, никак, за чужие-то грехи... накупаешься!

-- Глубокой колодец, мирская-то казна, Николай Семеныч; не ты один в нем выкупался, все дочиста моются, черпают да попивают из него -- только не уставай мужик подливать!..

-- Мне-то бы к чему этакие-то слова? -- спросил весь вспыхнувший Николай Семенович.

-- Спроста... к слову подошло!

-- Мир-то говорит, что твое-то слово, как ни жуй, а все не проглотишь! не из тех ты, что спроста-то звонят!..

-- Все мы одного куста ветки, под одним дождем и зноем живем!

Николай Семенович замолчал и обвел глазами вокруг чисто выбеленных стен, украшенных лубочными гравюрами. - Так как ты мне посоветуешь? - снова обратился он к Максиму Арефьичу.

-- Стар я, мне ли советы давать! -- отрывисто ответил Максим голосом, в котором слышалось раздражение.

-- У старого-то и спрашивать. Старый-то ум ядреный, что вековая сосна! -- заигрывающим голосом продолжал Николай Семенович.

-- А сосняк-то ноне... ска-азал бы я тебе...

-- Что ж?

-- Смолчу!

-- По душе коли, говори. Я люблю, когда по-душевному-то!..

-- Любишь, так таить не буду. Сосняк-то ноне, говорю, скороспелка пошел! Стары-то сосны сперва в землю глубже корни пустят, да опосля уж вверх и тянутся -- ну, и крепки были! А нонешний-то...

-- И вправду сосняк ноне пошел не старому чета, попроче ровно и иглой-то помягше, зря не колет! Это вот ину пору пораздумаешься, ты к иному с добром, а тебе все на зло, все-то на зло! Есть вот... у меня, как бы сказать, конек, мне-то бы совсем он не ко двору, а подари бы я тебе, ну, чего б ты подумал про меня! И-и невесть бы что, поди,-- ей-богу!

Максим Арефьич с минуты сидел молча и наконец, улыбнувшись, покачал головой. Николай Семенович наблюдал за ним с самым наивно-добродушным выражением в лице.

-- Оно бы и подумал,-- произнес после короткого раздумья Максим Арефьич,-- с какой бы это прибыли ты расходовать стал на дары-то мне?

-- Вижу, что бедное дело -- для че не помочь?.. друг бы о друге, а бог за всех!..

-- Нешто я жаловался тебе, что беден?

-- Слышал от других!

-- А-а-а!.. вот ты какой добрый, пошли тебе господи... Ты чего ж это, Николай Семеныч, спрошу я, бедным-то на дары расходуешься?

Николай Семенович смешался и незаметно отвел глаза в сторону.

-- Худая слава про меня, Максим Орефьич, идет,-- с грустью заговорил он,-- только напрасливая, не таковский я! я каждому бы готов... коли человек по душе мне... ты вот мне теперь... што отец сыну, завсегда вместе бы я тебе, ей-богу...

-- Скоро же ты облюбил меня!

-- Человека-то сразу видать, каков он... душа-то какова!

-- Правда твоя, Николай Семеныч! другой все норовит, как бы людей одурачить, а того и не приметит, что сам себя дурачит. Не любви мне твои речи, не погневи! Молод ты еще, не по весам гири-то выбрал...

-- Што ж я-то по твоим-то речам, скажи, не таись!.. ба-ахвал, аль што?..

-- Охота пришла знать -- скажу, что неиздашные-то хлеба завсе мягки на вид!

-- Не выпекли, стало быть! ну допечете, жару-то в вас не занимать!.. С чего ж бы мне пред тобой извороты-то эти делать? Аль што учетчик-то? Так я бы это, боюсь... а-а-ах-ха-а!..

-- Боишься, Николай Семеныч! Ну, зачем ты ко мне прибежал, а?.. Сроду мы друг друга не знали, а ты с ветру увидал человека -- уж коня даришь! Опомнись, темная душа твоя, не докуда кривыми-то путями ходить! Стучит в тебе совесть-то, что молот в кузне, -- вот ты и не знаешь, куда кинуться от нее. Уйди-ко лучше.

-- Не засижусь, не бойся... Уйду! помни же, хваленая честь! помни, что скороспелые-то сосенки только гнутся от ветра, а ядреные-то с корнем вылетают! -- злобно произнес он, выходя от него и хлопнув дверью.

Накануне дня, назначенного для учета, село Бог... одушевилось. Учеты всегда производятся при полном составе общества или не менее двух третей его и продолжаются по нескольку дней. Часто они бывают весьма бурны. Накипающее у крестьян неудовольствие на волостных начальников, на их произвол, несправедливость, взяточничество и воровство кровных мирских рублей выливается массою попреков и насмешек над ними. Много происходит и трогających за душу сцен.

В день учета волостное правление приняло праздничный вид. В нем с утра было накурено можжевельником. В передней половине присутственной комнаты, отделенной решеткой для помещения членов и

канцелярии, стоял аналой, приготовленный для приведения к присяге новых волостных начальников и учетчиков. Около него стоял на скамье баул⁴ с замками и печатями, в котором хранились приготовленные к проверке и сдаче суммы. И присутственная комната и две смежных с нею были полны народа, но в толпах не слышалось ни шумного говора, ни смеха.

Не меньшая торжественность проглядывала и в наружности и костюмах новых волостных начальников. Голова, плотный приземистый человек, с широкою, падавшею на грудь бородою, одет был в зипун тонкого черного сукна; от высоких сапог его припахивало дегтем, смешанным с рыбьим жиром; волосы на голове намазаны были коровьим маслом, от которого лоснился лоб. Прилично случаю, лицо его было серьезно, хотя в обыденной жизни он был весьма веселый человек. Сидя около широкого письменного стола, он вполголоса беседовал с Акинфом Васильевичем. Рядом с ним писарь с одним из своих помощников распечатывал пакеты и помечал вновь вступившие бумаги. У окна, за аналоем, стоял Максим Арефьевич с новыми заседателями по хозяйственной и полицейской части, которые, так же как и голова, были в новых зипунах и накануне вступления в должность сходили в баню. Николай Семенович, с раннего утра пришедший в волость, сидел около баула поодаль от всех. Он также щеголевато оделся в бешмет, опущенный белой мерлушкой, и с любопытством наблюдал за тихо волнующейся толпой. После привода к присяге, по уходе священника, члены распечатали баул и приступили к проверке денег. Толпа заколыхалась и налегла на решетку. В задних рядах ее становились на носки, упираясь в плечи и головы передних, наблюдая за толстыми пачками пересчитываемых ассигнаций. "У-у-ух денег-то!" -- невольно вырывалось у иного.

-- Побойчее, Трофим Митрич, считай! не мусли деньги-то: казенно добро смочишь, что проку! -- с иронией произнес стоявший у решетки, опершись на неё всюю грудью, старик, обращаясь к новому хозяйственному заседателю.

-- Не навыв еще,-- ответил он,-- не просчитаться б, думаю!

-- Приплатишь! не бедное дело!

-- С первого-то дня, друг, платиться учнешь -- скажется...

-- Ничего, бог даст, поправишься, должность доходная! Кругом прокатился смех.

-- Не обходился еще! сызнава-то все они, как молоденцы малые, ощупью около денег-то бродят! -- пронеслось в толпе.

-- И послужить-то не дали, а уж укорили! -- обидно ответил новый заседатель, кладя на стол отсчитанную пачку,-- не из тех я, штобы мир распоясывал свои карманы на мой обзавод!

-- Оно давай бы бог, Трофим Митрич! да вишь... мир-то из веры вышел, говорит, что сызнава-то вы все одну песенку поете. Вот и за тебя опаска берет, что ты казенные бумажки муслишь. По мирской молве худая это примета...

-- А что ж бы?

-- К пальцам бы, говорят, не стали прилипать... В толпе снова раздался смех.

-- Не во гневе его милости, Николаю-то Семенычу, сказать, -- продолжал меж тем старик.-- Спервоначалу-то, помнится, и-и-и с какой оглядкой он к казенным-то бумажкам касался, а опосля так пообвык! что инде карманы перемешал: где бы надо в казенный опустить, а он все в свой да в свой!

-- Свой-то ближе! -- крикнули из толпы,-- а в казенный сколь ни вали, все, как в худую плотину, прорывает да прорывает...

-- Про то и говорю, а на бумажках-то не написано, которая своя, которая казенная, а долго ль смешаться, особливо неграмотному! Где бы на свою лошадок прикупить аль к дому чего пристроить, а он все, по ошибке, на казенну да на казенну! ты уж, Трофим Митрич, бог даст, пообслужишься, так коли в суматохе когда доведется тебе в свой карман казенную бумажку опустить, так угольком пометь ее -- пра-аво!.. А то, храни бог, и ты учнешь смешивать, как Николай Семеныч!

-- Увар Прокопъич, а ты видал, как я казенные бумажки с своими мешал? -- угрюмо спросил его задетый за живое Николай Семенович.

-- Дела-то энти впотьмах деются, Николай Семеныч! как ты увидишь их? А что худые стряпки завсе о горячие горшки руки обжигают -- это видывал, не потаю!..

Дружный взрыв хохота снова прервал речь Увара Прокопъича, на лице которого играла ирония и вместе наивное детское лукавство, придававшее и самой иронии его добродушный оттенок. Говорил он тихо, но все-таки каждое слово его долетало в смежные комнаты, откуда виднелись вытягивающиеся головы, чтобы послушать. Заметно было, что каждое слово его было эхом затаенной думы всех. Увар Прокопъич в подобных случаях всегда играл роль запевалы и, завершив свое дело, мирно удалялся.

Вот Николай-то Семеныч, говорю,-- продолжал старик, нагрел ручки-то около мирского-то горшка, ну, ноне оне и побаиваются холодку-то! И заморозков нет, а он уже рукавички надел! А наш брат мужик и в мороз только в пальцы дует... А-а-ах ма! беда простотой родиться! Ты где это, Николай Семеныч, рукавички-то покупал?..-- спросил он, указав на окно, где с краю лежала смушковая шапка бывшего заседателя и замшевые рукавички, расшитые цветною шерстью.

-- А ты не купить ли хошь?..-- с злою улыбкой спросил его Николай Семенович.

-- Ужо... не равно заседателем мир-то выберет, так запастись бы! Теперя-то пока еще мозоли руки греют, а на теплом месте, гляди, и пропадут!

-- К чему ты мне все эти речи загибаешь! -- спросил побледневший Николай Семенович, когда в толпе замер раздававшийся смех.

-- Отгани-ко вот, с какой начинкой сноха про деверя пироги гнет? В толпе снова прокатился смех, заразивший даже и членов.

-- Ой... не рано ли печь-то принялся их! обождал бы!

-- Пospели -- так чего ждать! режь да ешь на доброе здоровье!.. Аль не по зубам? Иду я, братцы, как-то ноне, да и глянь ненароком на дом-то Николая Семеныча, да с простоты-то и не остерегся! гляжу -- ах ты, напасть! шапки-то на затылке как век не бывало! Ну и высь!.. ай и домина! Дай, думаю, спрошу Николая Семеныча, в какую тыщу он ему стал?..

-- На мой бы ум, Увар Прокопъич, не лез бы ты на меня до время, что собака на кость! -- дрожащим от волнения голосом произнес, подходя к решетке, Николай Семенович.

-- Жирная кость-то, Николай Семеныч, есть чего погрызть! а *ты* не серчай, ведь я с простоты! мужик ведь... что малое дитя, на все-то ему поглядеть надоть да пощупать, а засвербят зубы в десенках -- и поточить их!..

Желая скрыть свое смущение, Николай Семенович быстро отвернулся среди раздавшегося в толпе смеха и отошел к столу.

-- Какие, Николай Семенович, 186... году, ты деньги в подать внес 523 рубля? -- неожиданно спросил его в это время Антон Аверьяныч.

При этом вопросе толпа стихла, и все стали слушать с напряженным вниманием. Окончив перечет сумм, бывших налицо, и проверив их при помощи писаря с ведомостями и квитанциями казначейства, волостные начальники и учетчики встретили крупное недоразумение. За один из годов было внесено на 523 рубля более противу действительного поступления. Между тем недоимка в последующие года собиралась без исключения этой суммы. Подать же вносилась в казну за исключением ее.

-- Бумажные, Антон Аверьяныч! -- с иронией ответил Николай Семеныч,-- все 523 рубля бумажками были!..

-- И без тебя знаю, что злата-то, серебра немного по рукам ходит, я про то спрашиваю, отколь ты их взял?

-- Из сундука!..

-- Не время бы, Николай Семеныч, шутки шутить! -- вмешался Максим Арефьич.

-- Про шутки-то я, Максим Орефьич, то скажу: Увар Прокопъич вон подшучивал, так вы ничего, посмеиваетесь. Так и мне нечего плакать. Вот я на то и говорю: отганите-ка, отколь они в сундук попали, а я помолчу! Аль сказать, а? или послушать, что Акинф Васильич скажет!

Акинф Васильевич Сабынин, стоявший у стола скрестив на груди руки, с недоумением посмотрел на него. Это был пожилой человек, лысый, с болезненно отекавшим лицом. Серые глаза его постоянно слезились, отчего он поминутно отирал их клетчатый платком, постоянно хранившимся за пазухой по неимению карманов.

-- Не меня ведь спрашивают, а тебя! -- ответил наконец он.

-- Общественники-то на меня несут, а ты заступись! аль кто в грехе, а я в ответе? Не по твоему ль наказу я деньги-то эти с Сор... на поправку дорожного участка собрал, а ты в те поры велел их к подушной приложить, а?

-- Я... я велел, это точно, не отопрись! -- ответил Сабынин после минутного раздумья,-- только ведь я тогда же тебе наказал засчитать их в пополнение недоимки на С..., а ты вон все сбирал да сбирал. Куда ж ты энти деньги девал?

-- А ты не помнишь?..

-- Не запомню что-то...

Все с любопытством смотрели на них. Акинф Васильевич, вынув платок, отер им глаза и лоб и, снова сложив, опустил за пазуху.

-- Не разгулялся еще! Пожалуй, и то заспал: когда на другой год собрали недоимку, а я хотел засчитать 523 рубля, ты что мне сказал на это?

-- Чего ж?

-- Не надоть,-- забыл?

-- Ты что-то того... ровно...

-- А-а-а... тут и того... не вспомнишь!.. А когда я стал говорить тебе: да как же, мол, это оставлять-то их? и то, говорю, мир со слезами ропчет, что все поборы да поборы. А ты что сказал? Поропчут да такие же будут!

-- Я будто это тебе сказал?

-- Мужик, говорит, что ворона: на дождь и на солнце каркает! а ты, говорит, дай-ка мне их для оборота, опосля справлюсь, внесу... да так и внес их!..

Акинф Васильич стоял, как оглушенный громом; глаза его широко раскрылись и глядели тускло, бессознательно.

-- Вот где, общественники, денежки-то ваши плавают,-- обратившись к толпе, продолжал Николай Семеныч,-- не все руки виноваты, что собирают, руки-то голове повинны! Да еще тогда же на мои слова смехом говорит мне: волостных-то на то, говорит, и сажают, чтобы дураков крестить!

-- Кто ж бы дураки-то? -- пронеслось в толпе.

-- Мужики! И деньги эти тогда же своими руками отобрал от меня, как теперь помню, отколь-то одна бумажка фальшивая запуталась и ту взял, уйдет, говорит, заодно с путными.

В это время Акинф Васильевич, очнувшись от неожиданности, развел внезапно руками и хлопнул себя по бедрам.

-- А-а-ах! проснулся-таки! -- со смехом произнес Николай Семенович.

-- Ну, братцы! -- обратившись к окружающим членам, начал Акинф Васильевич,-- пятый десяток на свете маюсь... видывал народу и худого, и доброго, но экого человека впервой. Да какая это тебя и мать-то выносила, Николай Семеныч, скажи ты нам?

-- Чужая, Акинф Васильевич, своей-то не было, сироткой родился! а ты, чем матерны-то косточки трясти, сними-ко лучше с души моей грех!

-- О-опомнись... человек ли ты, есть ли у тебя бог-то!

-- Я-то завсе в памяти, ты проснись, да бога-то в наши дела не путай, у него и своих много! Как мир-то на меня ропчет, что я его обворовывал, так вы все молчите. Вон учетчик ваш, правдивая-то душа, Максим-то Орефьич, и не поймал, да уж ощипал! и вор-то я, и скороспелая-то сосенка промеж ядерных дерев! За тебя стал ему своего коня дарить -- и

не подступайся! А как 25 рублей дал, так взял! Коня-то, говорит, каждый увидит, а деньги-то не мечены!

Максим Арефьич побледнел и стоял неподвижно, только нависшая над бровями морщина нервно дрогнула.

-- Что ж ты молчишь...-- снова обратился к нему Николай Семенович среди всеобщего изумленного молчания,-- и ты бы, как Акинф Васильич, по крайности, руками похлопал, да сказал бы: неправда! а?

-- Правды-то, Николай Семеныч, никакими речами не утопишь -- выплывет! -- тихо ответил Максим Арефьич.

-- По пути ли ты, Николай Семеныч, все эти выводы-то затеял? -- вступился наконец новый голова,-- ой, не оступись!

-- За чужую-то поступь, Антон Аверьяныч, не бойся, свою блюди!.. Не рано ли ты вот сапожки-то высветлил -- не замарай! узка наша тропка, и лужиц много! Припомни-ка как, в головы-то садясь, ты хвалился ходить по ней? -- спросил он покрасневшего и растерявшегося нового голову.

-- Совесть-то где ж у тебя, а?.. на поклепы-то эти?..-- спросил тот, оправившись от неожиданного упрека.

-- Потеряна!.. да ты чем спрашивать-то, по себе примерь, откуда ей быть у волостных! Вот, общественники, облаяли вы меня вором, да до поры до время! Воров-то у нас и напредки будет много, поколь темнота наша будет стоять, что дремуч бор! Вот ты, Увар Прокопъич, на дом мой засмотрелся, что инде шапка свалилась, а что ж ты не сказал, падала ли у тебя шапка аль нет, когда ты на дом нашего писаря глядел, а?.. А ты не белей, Игнатий Петрович! -- насмешливо обратился он к побледневшему при последних словах его писарю,-- общественники с волостными накинудились на меня, что вороны на падаль, а ты застыдился, и от старого друга подале! Так допрежь чем расстаться, оглядимся, у кого боле клею на руках было! А-а-ах! -- с злобным хохотом продолжал он,-- бывало, как деньги делить, так Игнатий Петрович без зову бежал, а теперь и смотреть не хочет, так заспесивился! Ну-тко... не гляди-ко шибко в бумаги-то!.. скажи-ко лучше, как *ты* на деньги-то, собранные на новую икону, дом тесом обшил -- а? Вместо царского-то портрета полы выкрасил... а?.. А-а-ах! Максим Арефьич! ведь ты учетчик -- что ж молчишь-то! аль и тут тебе деньгами рот замазали? а?..

-- Мы об этих делах спросим с хозяев, а не с работника,-- спокойно отвечал Максим Арефьич,-- деньги-то на царский облик и икону не писарь собирал, а ты: ты же о ту пору и на поправку дорог собирал. По мирскому приговору ты по два рубля тогда с души собрал; с 1713 душ, добры люди говорят, 3426 рублей. На экие деньги дорогу на десять лет можно выправить, а как ты ее выправил?

-- Худо... что я наделал, все худо!..

-- Хвалят-то хорошее! не гневи! Отдал ты ее по контракту в подряд Раймолову, из чужой волости -- неуж бы по нашей-то не нашлось, кому взять его... а?..

-- А-ах... и в том, значит, повинен, что не нашил шапок мирские плечи прикрывать! -- с иронией ответил он.

-- Повинен!.. ты вот мир оголял да себе шапку сшил!.. Станем-ко без шуток говорить, а напрямки... будет! за три-то года досыта нашутились!.. С нашими-то мужиками тебе бы нельзя плутовать: все бы на виду было, вот ты и кинулся в сторону...

-- Соловушка-то ваш, общественники! слышите, поет -- заливаается!

-- Общественники слышат, Николай Семеныч, у кого какой голосок! ты так же напел небылиц, только одно забыл, что у общественника, кроме уха, и глаз есть...

-- Ну, а еще что... поговори, Максим Арефьич, послушаем!

-- Послушай, коли на то пошло, послушай. Ты ж хвалился, что еще не последний вор, что много их и напредки будет! так вот, глядя на тебя, хоть другие поучатся, как ответ миру давать! ты дорожный-то подряд отдал Раймолову, потому что с ним вместе торгуешь... Деньги-то эти ты с Раймоловым да с исправником между собой поделили... А на починку-то дороги и 300 не истратили.

-- Это ты верно сосчитал?

-- Считать нам все твои дела не приводится; мы считать будем только мирские слезы! -- все более и более оживляясь, заговорил Максим Арефьич.

Напряженное внимание в толпе выразалось не одним молчанием. Каждый жадно вытягивал голову, вслушиваясь в слова, отчетливо разносившиеся по комнате.

-- Ты подряд-то отдал ему, общество не спросил, а только уж контракт заключивши, вычитал его обществу! В контракте-то было выговорено, чтобы мосты все были новые, перила выкрашены, версты все были новые, гати перестланы заново, дорога вычищена и посыпана дресвой на все 120 верст. А как ее выправили?.. Какой до поправки была, такой и теперь стоит. Версты все старые, все-то скосились на стороны, словно от глазу хоронятся. У мостов кой-где только бревнышко вколочено, а перила-то под мостами лежат. Каждый, допреж чем на мост въехать, перекрестится да чудотворцев на помосу кликнет, чтобы бревно по затылку не ударило. Ни повозка, ни телега гатями-то не проедет, чтобы ось не хряснула. На 120 верст робыло ли 20 человек, и как робыли! через сажень лопаткой поковыривали... Это за три-то тыщи! Не тягота это миру, Николай Семеныч, а? Кто должен теперь дорогу-то править, коли начальство сызнава потребует? А оно не сегодня, завтра потребует; гляди ведь, на дороге-то ни проходу, ни проезду нет! Сызнава три тыщи собирай! Сызнава мужик веди корову или лошадь содвора, чтобы внести эти два рубля! да отколь же миру-то взять... на вашу-то наживу!..

Вместо ответа Николай Семенович, заворотив полу бешмета, отер им лоб и лицо.

-- Холодку бы, други, нагнать! -- внезапно произнес Увар Прокопъич, -- а то Николай Семеныч-то разогреваться начал, инда в пот кинуло!..

В толпе послышался смех.

-- А кто дорогу-то принимал от подрядчика? ты один! А нешто это одного тебя дело касалось?.. Ведь это мирское дело-то, общественное! Ты

должен был всех сельских старост созвать да по крайности трех, четырех выборных от каждого сельского общества, чтоб они дорогу-то оглядели да приняли ее от подрядчика. А кто был, ну-ко?

-- Ты об этом, Максим Арефьич, помолчи, тебя это дело не касается!!-- остановил его Николай Семеныч, в голосе которого не слышалось уже игривой иронии.

-- А-а... тут так не касается.

-- Так точно! Не твоего оно ума!..

-- А чьего ж бы?

-- Вышнего начальства, коли знать охота пришла! Дорогу-то эту от подрядчика сам исправник принимал, с него и спрашивай, коли она тебе не по нраву... Слышал, а?

-- Исправник принимал, а чьими деньгами за дорогу-то расплачивались: исправническими аль мирскими? Исправник-то небось своей копейки не приложил, а с мира все до единой вытянули... Так какое ж ему дело было принимать ее на свою душу?.. Его дело приказать править, а примать на свой страх не доводится! А и люди! да доколь же это бессудье будет над нами! Правду на миру говорят, что бессуднее Сибири земли на свете нет! Коли ты, наш же брат мужик, одной долей окрещен и взрощен, и ты на мирские слезы обстроился, так уж отколе теперь миру защиты ждать! Ты вон на икону для волости да на царский облик без мала 200 рублей с мира собрал, да сам же еще смехом похваляешься, что на место царского-то обличья писарь полы себе выкрасил... а вместо святителей-то дом тесом обшил!.. Да нешто у путного волостного писарь бы смел сам деньги взять? Нешто у домовитого хозяина работник украдет, а?.. Оба вы вместе воровали, оба и обстроились! А мир плати, натружайся, ходи наг и бос!

В толпе пронесся неясный гул.

-- Ты сам был волостной, так тебе ли сказывать! сам видел: сыплет, сыплет мир подати, что зерна в бездонные закромы, а все мало, все подливай на каменку, чтобы другим было теплей! Только на подать да на поборы от рождения до смерти и мается мужик, робит, не покладывая рук, поколь бог не пошлет по душу. Гляди, мозоли-то на руках, что камня! поди, и червь-то в могиле не прогрызет. И тут ты еще последние нитки обрывал!.. наш же брат мужик, да смеешь еще говорить, что мир тебя угнетает... Гляди-тко, у тебя не повертывается сердце, как мир-то объедают, а? Ты вот по контракту за дорогу-то три тыщи отдал, а где у тебя остальные-то 426 рублей... Ну-ко, скажи!.. Аль исправнику отдал, чтоб он у тебя с Раймоловым дорогу-то принял... Нут-ко, скажи нам, как ты за то, что в одном тарантасе с ним ездил да чай-то вместе попивал, ссужал его мирскими деньгами по две да по три тыщи?

-- Ты одумался ли, Максим Арефьич, чего наскзал-то? -- остановил его Николай Семеныч.

-- Одумался, не сомневайся!

-- Опомнись-ко... за этикие-то речи, бывает, и к ответу водят.

-- Не страшай, Николай Семеныч. Тихой я человек, да не боязливой. Коли бог велит к ответу пойти, пойду, дам ответ -- на то и крест целовал!

Не в мои годы кривыми путями ходить, мне и могила близка, так уж прятаться от доли не стану! Назудела вся эта неправда-то на мирской душе. Гляди-тко, мир-то, он весь тут! Спроси-ко, видывал ли кто радости-то на веку, так докуда же нам! Ты вот насказал, что и дары мне надарил, а теперь угрозил, что к ответу поведут, а я тебе скажу, что сам пойду к ответу! сам! Пора и вышнему начальству правду знать. Вы как слышите, что набольший начальник едет, так всякого мужика потолковей прячете, чтоб не выболтался. Всякой, кто поумнее, у вас ябедник, да каверзник, да бунтовщик. Всякого норовили в дело впутать да услатить! На какие ты вот деньги с Раймоловым скота накупал для приисков, а?.. на мирские!.. их в подать собирал, вздыху не давал, а сам пушал в оборот, наживался на них... Ты волостной, а на чужое имя три кабака по волости держал, так какой у тебя мужику охраны было против кабатчика искать? Ты подать-то собирал в самое нужное время, когда знал, что у мужика ни копейки -- засев на корню и продать нечего -- да сам же и вносил, да за гривну-то на рубль хлеба брал!

-- Правда! правда, Арефьич! -- пронеслось в толпе.

-- Этакого разорителя поискать!..

-- Ах, слез-то наших много, други, на нем!..

-- Ввел он меня, общественники, пошли ему господи боле... да и деткам его! -- заговорил, выдвигаясь к решетке почти на плечах теснившихся крестьян, мужичок с белыми как лен волосами и бородкой.-- Разорил ты меня, Николай Семеныч! Скажи-ко перед миром по совести: внес ты за меня в подать 15 рублей, а сколь ты выбрал с меня за них? Заступитесь, общественники, бедное мое дело, горькое, а он и тут последнее рвал!

-- Чего с тебя рвать-то было, скажи-ка! -- с злобою в голосе ответил, обратившись к нему, Николай Семеныч,-- ты бы, прежде чем жаловаться, на себя-то бы поглядел: чего рвать-то с тебя? Ты, никак, и родился в этом бредне! Рва-а-ать! было чего рвать!..

-- Бреденек он... да мой! А ты вот на наши-то слезы суконный с выпушками надел?

-- Не на твои ли?

-- И моих тут есть!..

-- Ты вспомни лучше, где твои слезы-то у меня?.. Забыл, как кланялся да плакал, сапоги-то обмывал, обождать-то просил. Я из жалости свои внес!

-- А вспомни ты, сколько ты перебрал с меня за них?

-- Не подарил... а-а-ах, беда!..

-- На дарено-то карманов у меня нет, Николай Семеныч, а твои пятнадцать рублей мне добрых тридцать стали.

-- Сосчитал же... умеешь?

-- Свое всяк умеет считать!

-- Учись и чужое, авось на зипун сойдется!

-- Хожу и в этом, зипуном-то не кори! трудовой он, не ворованный! Заступитесь, общественники! внес он за меня в подушну пятнадцать рублей, плачусь ему, плачусь, и все еще в долгу!.. Все еще каких-то пять рублей считает. Лонской год какой был неурожай, хлеб-то по семи гривен

за пуд на отбой брали, а он своими руками у меня 12 пудов насыпал да со двора свез, а цену положил по 25 копеек с пуда. Не обида ли? А то навозил я о ту пору лесу, 17 лесин, в ину пору ты за 4 рубля экой-то лесины не купишь, а он взял да по восьми гривен лесину-то поставил... Не бедко ли это?

-- На ядреных же поставках у тебя, Николай Семеныч, дом-то срублен! - вступился Увар Прокопъич.

-- То-то... отдавать, так горе, а брать, так горя нет! -- ответил Николай Семенович.-- Вся-то вашу мирскую правду можно за грош купить!

-- Ты в свою-то онучу мирскую совесть не обувай, Николай Семеныч! -- сказал Увар Прокопъич,-- аль не любо, как старинку-то перетряхивают?..

-- И зачем это вы, братцы, старое поминаете,-- послышался голос из толпы.-- Без того мужику тошно: все глаза по углам отхлопал, а вы еще в них песку сыплете. Когда татары с моего сенокоса сено скрали да увезли, он за то, чтобы рассудить нас, пять рублей с меня взял, три овчинки, ды были у меня весы медные еще от родителей -- и их подобрал! да я и то молчу.

-- Грех вам, общественники, слушать все эти наветы на меня, не угнетатель я был вам! -- произнес наконец Николай Семенович голосом, в котором послышалась боль.

-- Хуже всякого угнетателя был ты, Николай Семеныч! -- снова прервал его Максим Арефъич.-- Оглянись на себя, а коли совесть в тебе заснула, побуди!.. Одумайся, каких только за тобой делов не было!.. Ты только богатым мирволил, они и стояли за тебя горой! Какая бы ни была неправда, ты все им спускал, вместе с ними бедность-то зорил! А находил ли кто из бедных у тебя правду без денег? Гляди-ко, в волостные-то мы тебя садили -- у дома-то твоего крыша падала... Лошадка-то была одна-одинехонька... Окромья армяка на тебе мир ничего не видывал! Оглянись ты на себя -- отколь у тебя дом-то взялся? Лошадей-то чуть не косяк {Двенадцать лошадей называются у сибирских крестьян косяком. (Прим. авт.)}. За три года расторговался, что купцу в пору! Отколь это все? Вот ты по два раза собирал, один раз по 20 копеек с души, другой по 11. Люди считают 532 рубля. Хлебные мангазеи по волости нужно было править, а правил ли ты их? Где у тебя эти деньги?

Николай Семенович молчал. Лицо его горело лихорадочным румянцем. Глаза щурились и точно налились влагой.

-- Что ж, Николай Семеныч, скажи, где они у тебя... а? -- снова повторил Максим Арефъич.

-- Ты дай ему одуматься, Орефъич! -- со смехом крикнули ему из толпы,-- пушай вздохнет!

-- А-а-ах, други, бе-е-да худой девке житье,-- начал Увар Прокопъич,-- спутает-спутает волосы-то на голове, подойдет дело к свадьбе расчесывать их -- и пойдет на гребень жаловаться, что больно дерет!

-- Ты не из магазинских ли денег-то Орефъичу двадцать-то пять рублей дал, Николай Семеныч?.. Больно уж он тебя чего-то пытается об них?

-- Помолчите, други, не путайте! видите, человек думу думывает, а вы мешаете! неровен грех, он еще обмолвится, да на себя скажет...

-- Не обмолвлюсь, общественники! -- ответил Николай Семенович, обратившись к смеющейся толпе,-- что говорить больше, коли все мои речи неправдивы!

До глубокой ночи потешался мир над своим уничтоженным владыкой, высчитывая ему все его неправды.

Учет продолжался более пяти дней. При помощи сельских старост и проверки книг много обнаружилось лишних переборов в податях и недоимках. Раскрылись и другие злоупотребления. Так, между прочим, за лечение приписанных к сельским обществам поселенцев и некоторых из крестьян в больницах приказа общественного призрения были взысканы с этих обществ, по общему подушному раскладу, деньги за употребленные при лечении их медикаменты и содержание, и в то же время раскрылось, что эти деньги были взысканы и лично с некоторых поселенцев и крестьян, находившихся на излечении, а у одного из них даже продана была лошадь на пополнение этого долга.

По мере раскрытия этих злоупотреблений, беспощаднее сыпались на Николая Семеновича укоры и насмешки, но он выносил их с полным равнодушием. Он был спокоен; не менее его спокоен был и писарь, имевший с ним в первый же день учета, после того, как разошелся сход, довольно продолжительное совещание. Общество не приняло на себя суммы, собранной на исправление дороги, и начет, со включением ее и всех поборов, пал на Николая Семеновича в размере 6523 рублей.

Для человека постороннего сделалось бы невыносимо тяжелым зрелище той скорби, какая отразилась в лице Акинфа Васильевича Сабынина, когда, по приговору общества, пополнение 523 рублей, выведенных на него Николаем Семеновичем, пало на его долю.

-- Снизойдите, общество! для бога, старости-то моей! за что я в ответе... за что?

-- На себя пеняй, Акинф Васильич, а не на общество,-- ответили ему из толпы,-- за науку всегда платят!.. Недаром на миру-то говорят: что kota бить, коли мясо скрал, бить того надо, кто его в амбар пустил!

-- Общественники, будьте по правде! не богатое мое дело!.. Сам я просился у вас, освободите меня от службы! немочное дело мое, немочное! И рад бы служить, да нездоровье мое! Пошли тебе, господи, Николай Семеныч!

Вокруг царило тяжелое молчание.

-- Тебе это ничего, Николай Семеныч, что из-за тебя этак убиваются? -- спросил Максим Арефьич.

Точно не расслышав вопроса, Николай Семеныч молча отвел глаза в сторону.

Составленный обществом приговор о начете на другой же день при рапорте от волостного правления был представлен в окружное полицейское управление для поверки его и утверждения, и новый голова немедленно распорядился, чтобы со стороны общества были приняты

меры наблюдения за имуществом Николая Семеновича. Но дело приняло неожиданный оборот. Вскоре после учета в полицейское управление поступил донос от имени писаря и Николая Семеновича "о подстрекательстве крестьян во время учета к неповиновению властям, о порицании действий высших властей и правительства крестьяниным Ознобиным". Сначала, по доносу, было произведено тайное дознание, и опрошенные крестьяне подтвердили все то, что говорил Максим Арефьич. Донос, вместе с дознанием, был представлен по начальству. Не прошло и месяца, как по этому делу в село Бог...е приехал особый чиновник для производства следствия; крестьяне снова подтвердили все, что говорил Максим Арефьич, да и сам он, с тем же воодушевлением, как и на учете, передал все тяготеющие над миром неправды. По окончании следствия дело было отослано на особое рассмотрение, и Максим Арефьич отправлен в острог, а по поверке учета все выведенные на Николая Семеновича поборы, по бездоказательности, оставлены без последствий, так что Николай Семенович внес только 200 рублей, собранные на икону и портрет государя. Сумма, павшая на Сабынина, за исключением внесенных им 100 рублей, по безнадежности взыскания ввиду его бедности, была сложена с него по приговору самого общества. Тем и кончился мирской учет.

Через год последовало и решение по делу Максима Арефьича о высылке его в дальнейшие места Сибири, если общество не возьмет его на поруки. Но он не дождался решения и той же зимой помер в остроге от тифа, постоянно свирепствующего в сибирских тюрьмах. Николай Семенович был прав, сказавши, "что скороспелые сосенки только гнутся от ветров, ядреные же вылетают с корнем вон!".

УМАЛИШЕННЫЙ

(Психологический этюд)

В декабре 187... года в г. Т. был доставлен при рапорте крутологовского волостного правления крестьянин села Крутые Лога Осип Дехтярев для освидетельствования в губернском правлении¹ и для помещения на излечение в дом умалишенных. На первое время Дехтярева поместили в городской больнице, и, по наблюдению врача и прислуги, в поведении больного и в речах его не проявлялось признаков, доказывавших расстройство умственных способностей. Живой, веселый характер, плавная, всегда остроумная речь привлекали в палату, в которой поместили Дехтярева, слушателей из других палат. Все с любопытством и недоумением смотрели на странного умопомешанного, который заткнул бы за пояс любого умника, как выражались фельдшера и прислуги. Фельдшером смущало одно только обстоятельство: Дехтярев ел необыкновенно много, ел почти поминутно, и все-таки чувствовал голод,

но ни разу не жаловался на расстройство желудка или на боли в нем; притом он спал крайне мало, иногда две, три ночи он не смыкал глаз и не чувствовал усталости и упадка сил.

В назначенный для освидетельствования день Дехтярева привезли в губернское правление и ввели в присутственный зал, где были все члены комиссии, губернатор и между прочими два военных врача. Помолвившись на икону в переднем углу, Дехтярев почтительно поклонился присутствующим и молча подошел к столу, за которым сидели члены. На вид ему было около сорока лет, роста он был среднего, худой. Лицо его было бледно. Темно-русые волосы на голове, остриженные в скобку, были тщательно причесаны. Небольшая борода и усы обрамляли красивые губы, на которых мелькала лукавая улыбка. Живые карие глаза его выражали острый, пронизательный ум; когда же он задумывался, то в них просвечивала грусть. Он с любопытством осмотрел всех членов и, еще раз поклонившись им, улыбнулся.

-- Как тебя зовут, братец? -- спросил его губернатор.

-- Осипом! -- ответил он.-- По сказке-то пишешь Осип Микитин Дехтярев.

-- Ты помнишь, сколько тебе лет?

-- Не знаю, ваше почтение... или как тебя взвеличать-то? Благородием, што ли?..-- ответил он.

-- Превосходительство! -- подсказал сидевший к нему ближе всех военный врач.

-- Ну, присходительство, будь не то...-- произнес Дехтярев.-- Вишь, мы неграмотные, живем-то в лесу; по нашей-то простоте, што ни пень -- то икона; встретишь чиновника-то, так не знаешь, как и величать-то его, думаешь, что все они благородные, ну, и крестишь всякого благородием! Не обессудь, что обмолвился, не тем именем обозвал тебя! -- закончил Дехтярев, поклонившись.-- Это ты и есть самый-то набольший генерал по губернии? -- спросил он.

Губернатор засмеялся; засмеялись и члены.

-- Я!..-- ответил губернатор.

-- Вот ты какой! -- наивно произнес Дехтярев, с любопытством осмотрев его. -- Одобряют тебя мужики-то... шибко, слышь, они за тебя бога молят!..

-- За что же они одобряют меня?.. -- спросил губернатор, слегка покраснев.

-- Угодил ты им... уж так, брат, угодил, што чиновников-то своих на притужальнике держишь, не даешь им чужое-то добро по карманам шарить,-- што не знают, какому чудотворцу за тебя и свечу ставить!..

-- Так теперь уж не шарят чужое добро по карманам, а? -- шутливо спросил у него губернатор.

-- Утихли!.. Не слыхать што-то, разве где помалости... ну, так малость-то наш брат и в счет не кладет!.. И они ведь тоже люди, слышь, пить, есть хотят, а иному государского-то жалованья, сказывают, и на обутки не хватает; надоть где-нибудь брать, ну, а коли у него под боком овечка

пасется... которую все стригут, так пошто и ему, глядя на других, не сорвать с нее клочок-другой.

Среди членов снова пробежал смех, и вместе с тем шепот. Все они с любопытством и удивлением смотрели на Дехтярева.

-- Ты грамотный? -- спросил его один из членов.

-- Не-ет!.. Учили читать-то; родитель, покойная головушка, радел об этом, и читал я, да забыл... Ноне, пожалуй, и аза не найду в книге-то, не читаю!..

-- Отчего же ты бросил читать?.. -- спросил его один из врачей.

-- Бросил-то пошто? -- переспросил он.-- Да как тебе, братец, оповестить; не к лицу ровно нашему брату грамота-то!

-- Отчего же не к лицу? -- спросил губернатор.

-- Отчего?.. Хе!.. Да вот отчего, твое присходительство,-- улыбаясь отвечал он,-- коли ты всякую-то книгу читать станешь, то, неровен грех, и умным сделаешься, почнешь обо всем судить да рядить, вот и бе-еда!.. Проку-то от пересудов твоих, пожалуй, не выйдет, а греха-то не оберешься!..

-- Какого же греха? -- спросил врач.

-- Какого греха-то?.. А вот какого, ваше почтение: я вот и не письменный человек, а за то, што поговорить по правде с обчеством, стал перед ним волостного голову на свежую воду выводить, так и подвели, што я будто не в своем разуме, прислали лечить, ваших благородиев теперь утруждают свидетельством меня -- в разуме я или нет... вот и суди!.. А коли бы, на грех, да еще письменный-то был, книги-то читал, так чего же бы было тогда, а?.. Тогда уж, брат, прямо бы на цепь посадили и лечить бы не стали!

Члены снова вопросительно переглянулись между собой.

-- Что же ты выводил перед обществом на волостного голову? -- спросил губернатор.

-- Все его качества!..

-- Говори яснее: какие качества -- хорошие или худые...

-- Хорошие или худые? -- повторил он, усмехнувшись.-- Хорошими-то разве кто попрекнет человека, а? Ведь только, брат, на гнилой воде пузыри-то всплывают, а на проточной-то ты их не увидишь!..

-- Плут он, что ли, а?

-- Плу-у-т! -- снова улыбнувшись, повторил Дехтярев.-- Нет, брат, твое присходительство, экое-то слово для него милостиво; его надоть таким словцом окрестить, чтоб больней обуха било!..

-- Почему же общество терпит его, если, по твоим словам, он такой негодай, а?

-- Обчество! -- презрительно произнес Дехтярев и сплюнул на сторону.-- Добрые люди шапку-то по голове выбирают, а у нас, брат, голову-то по шапке выбрали, вот и понимай!.. Обчество-о! -- снова протянул он после минутной паузы.-- В нашем обчестве, што ни вор, што ни плут, тот и первый человек, везде ему и честь и место, и сладкий кусок: вот каково наше обчество! -- несколько раздраженно закончил Дехтярев.

-- Сердит же ты на свое общество, разве оно что-нибудь сделало тебе, а?.. -- спросил губернатор.

-- Насолило, брат, так насолило, что и умру, так не прокисну...

-- Чем?

-- Неправдой своей. Продажной совестью! За што они меня стегали,-- спроси-ко ты их?..

-- Кто они?..-- прервал его губернатор.

-- Общественники!

-- Когда?..

-- Уж года два будет теперь, если не боле. Так, брат, стегали, так стегали, што, думал, с душой прощусь. А за што, што я им сделал? В угоду голове, голова науськал. Вишь, ему не любо стало, што я не такой дурак, как все мужики, што я все подходы и выходы его выследил, так ему надоть было бесчестье на меня положить, пред всем миром опозорить, а?.. А у общества совести хватило в угоду голове тиранствовать надо мной, а?.. Христопродавцы они! Всю свою совесть рады в ведре вина утопить!.. В угоду богатому хошь в могилу бедняка вгонят, вот оно, наше-то общество! -- с дрожью в голосе закончил он, и на бледном лице его выступил яркий румянец.

-- За что же голова гонит тебя?

-- Нет, брат, твое присходительство, как он не гонит меня, а уж ему меня не догн-а-ать. У меня в пальце-то больше сметки, чем в голове его милости, вот што скажу я тебе! А известно, ему не любо, што нашелся в миру, человек с глазами и видит все впотьмах, где другие ощупью ходят, да которому еще к эфтому взять -- ничем рта не заткнешь. Ну, и стал он бесчестить меня, сначала общество напустил на меня, наговорил ему, што я и гультай, и бражник, што, кроме вредительности, от меня и ждуть миру нечего, што меня-де поучить надоть; ну, и думал, што как шкуру-то снимут с меня, я и уймусь, новой-то, што нарастет, уж жалко мне будет. А я, вишь, не унялся, все свое пою. Постиг он, што дело неладно, што поет-поет парень, да чего-нибудь ведь и напоеет на него, и подвел струну, што я-де не в своем разуме, ево-де лечить надоть. Вот и гляди, какие дела в мире-то творятся! А лечить-то, брат, надоть не меня, а нашего голову, да лечить-то его надоть базарной плетью. Вот пропиши-ка ему этакое средство, так мир-то за тебя не одну свечу пред богом затеплит!

-- Да что же он делает противузаконного, ты все-таки не сказал мне. Ты расскажи для примера хоть одно худое дело его.

-- Заелся, брат, он, вот тебе, к примеру, чего скажу? Превыше себя и закона не знает! И как не заесться человеку -- слава те господи! Третье трехлетие дослуживает, общество-то, што паук, тенетами опутал. Когда его в головы-то выбрали, всего две скотины имел, изба-то, словно стыдясь, боченилась от добрых людей, а теперь -- и-и-и-и, с Федором Игнатичем и купцу-то не всякоу впору тягаться!.. -- Отчего же разбогател он: от взяточничества, от незаконных поборов?

-- Фальшивые рубли обстроиться помогли!..

Между членами снова пронесся шепот. Председатель губернского правления, нагнувшись к губернатору, о чем-то горячо заговорил с ним.

-- У тебя есть какие-нибудь улики в доказательство тех злоупотреблений, какие делает ваш голова? -- спросил губернатор.

-- Улики! -- насмешливо произнес Дехтярев,-- разве хороший вор оставляет по себе следы? -- спросил он в свою очередь.-- А наш-то голова из самолучших воров первый, его, брат, в трех огнях накаливали, да в трех водах остуживали, так он теперь не токма из кремня, из глины, што ись, огонь вырубит... да-а!

-- Что же, ваш голова сам занимается деланием фальшивых денег или только переводит их, а? -- спросил председатель.

-- Зачем он сам будет делать, коли клейменные мастера есть на то,-- ответил Дехтярев. -- Слава богу, из Расеи мастеров-то этих сотнями в Сибирь шлют. Нашему мужику об это рукомерло и мараться не доводится!..

-- Кто же эти мастера?

-- Беглые каторжники, кто же иной? Сторона у нас глухая, из лесов да болот не скоро на белый-то свет выглянешь, так летом фабриканты-то эти по займам {Большинство крестьян Сибири, у которых пашни и сенокосы лежат иногда в расстоянии десяти и пятнадцати верст от деревень и сел, чтобы не терять в рабочую пору время на разъезды, строят около пашен Жилые избы г печами, в которых пекут хлеб и готовят пищу. Избы эти называются займами. (Прим. авт.)} у головы да его прихлебников и мастерят билеты. Двойная, брат, им нажива от самодельных-то денег! Кругом татарва, какие деньги не дай им, все за путные идут! Ну, и сбывают им за скот, шкуры да шерсть и мужикам исподтиха подсовывают, а коли попадется мужик с этакими деньгами, так голове сызнава нажива -- так его острогом да следствием застращают, што он последнюю рубаху снимет, только не заводи дела, не допускай до начальства, да еще и за того же Федора Игнатъича и бога молит, што душевный человек, не подвел его под гибель. Таким-то, брат, образцом и разжилсся наш Федор Игнатъич, и не он один этим рукоблудством занимается. Много у него прихлебников, ими он и в головах-то держится, а бедность поневоле молчит, потому так они ее опутали, што и пикнуть не смеет. Ты вот знаешь ли, што голова-то у нас, почитай, за половину волости из своего кармана подати вносит?

-- Почему?

-- Догадайсся-ка... как они люд-то путают да заедают. Он вот за тебя подать-то внесет, а ты на него круглый год, как на барина какого, и робь, а пикни ты супротив Федора Игнатъича -- э-э... он за долг-то и избы, и скота решит, да еще в контрактную работу замурмолит. Вот, брат, как... у нас мужики-то поживают... всласть слезой умоется, кулаком оботретсся, а от страху-то и словесный бы человек бессловесным сделалсся! Любо ли?.. Голова вот сказал обчеству: "Выстегай Осипа Дехтярева, потому што препятствует мне... петлю на вас забрасывать", и чуть, брат, душу не выстегнули из меня! Коли кто голове не по взгляду пришел, уж лучше

беги из волости, а то загубит, и обчество ничего... только за пазуху себе вздыхает да раболепствует перед ним, потому што опутано, ни силы, ни голосу у него нет. А вот нашелся этакой мужик, как я, што ничем ты его врезон не введешь, ни крестом, ни пестом, ну и сделали неразумным, прислали лечить. Лечи.

-- Сколько тебе лет? -- спросил его один из военных врачей, все время внимательно наблюдавший за ним.

-- Не считал... Да и тебе закажу о мужичьих годах не справляться! -- не глядя на него ответил Дехтярев.

-- Отчего же не справляться, разве крестьяне не ведут счета прожитым годам? -- спросил инспектор врачебной управы.

-- Ведут, да по-своему, не всякий в толк-то возьмет. Мужик, брат, вот как свои года спознает: коли целы у него зубы, перекусывает лен да дерево, стало быть, молод, а коли у него зубы не выбили, а сами выпали, стало быть, стар, пора и из подушного в выключку². Вот, брат, какая у нас о годах примета!

Среди членов пробежал смех.

-- Что же еще голова делает противузаконного, а? -- снова спросил его губернатор.

-- А разве этого мало, чего я наказал? -- с иронией спросил в свою очередь Дехтярев.

-- Может быть, ты еще что-нибудь знаешь?

-- Знаю!.. Я много про него знаю. Я, брат, знаю, где и деньги те лежат, которые морошкинский староста потерял! За што вот мужика разорили, а? Спроси-ка?

-- Кого ж спросить?

-- Меня... я тебе до слова все выпишу, как дело было: прошлого года о масленой, скажу тебе, морошкинский сельский староста Тит Мироныч Березников привез сдавать в волость деньги девять сотен рублёв, што собрал с крестьянства подати. Ладно! Не надоть утаить пред тобой, што этот самый Тит мужик бы по всем статьям был праведный, коли бы не любил, грешным делом, со штофом лобызаться! Ну, приехал он и говорит голове: прими, Федор Игнатьич, деньги, так, говорит, они словно камнем на душе лежат, скорей бы сдать их; а голова и поет в ответ ему: повремени, куда спешить, дело-то теперь празднишное, пойдём-ка лучше ко мне, говорит, в блины около сковородок поиграем. И пошли это, голова, Тит, писарь да еще человека два сподручных. Долго ль там они в блины играли, не скажу тебе, только Тит захмелел и свалился. А голова, как Тит-то очнулся наутро, и зовет его в волость деньги сдавать. Пришли. Хватился Тит денег -- в одном кармане нет, да и в другом -- пусто, и заметался туда, сюда, денег и след простыл, да так, брат, и посейчас мечется, ищет их.

-- А как же деньги, в казну внес кто-нибудь?

-- Тит и заплатил, до копеечки выложил. Продал скот, скарб {Скарб -- имущество. (Прим. авт.)}, какой был, в долги въехал на сажень выше росту, да... а теперь по миру ходит!

-- Ты сказал, что знаешь, где лежат эти деньги?

-- Знаю! У головы с писарем.

-- Почему же ты думаешь, что у них именно, а?

-- А где же боле-то?.. Ведь Тит-то у головы в доме спал. Неуж со стороны человек пошел бы в дом головы мужика обворовывать, а? Он с писарем и обделал все дело, на чего-нибудь ведь и писаря обстраиваются! Из нашей волости уж Двое писарей в купцы вышли, да и третий, брат, не сегодня, завтра за прилавок сядет. У нас, брат, лафа тому жить, кто совесть потерял и объявления о розыске ее не сделал. Верь! А про это што ты скажешь? -- снова начал он.-- Лет пять уж будет теперь, ездил по нашей волости купец с товаром и, сказывают, денежный, ездил, ездил, да куда-то туда бог его занес, што и не выехал! Только уж когда снега стаяли, так ноги его из-под ракитова куста на белый свет выглянули!..

-- Замерз или убили?

-- Без головы оказался! Головы-то так и не нашли, а только по обуви да по платью признали его. Ну, следствие сейчас, суд пошел! Мало ли тогда, милый, мир-то встряхивали! Искали, искали, никого повинных не нашли, так в воду дело и кануло. А уж потом, братец, года через три время, то у головы штука ситца проявится, то у писаря, и не простого ситчика, а такого, какой у купца того примечали, а у головы опосля еще и уздечку спознали и хомут, какой на лошади у купца того был. Ну, чего ж, пошептались об этом на миру, пошептались, да и махнули рукой. Вот, брат, какие дела-то у нас делаются. Умные-то люди их видят, да молчат, а дураки-то, как я, благовестят! Ну, вот и нелюбо, за это вот и посылают лечить, чтоб лекаря ума подбавили, штоб знал мужик, про чего ему говорить и про чего молчать!..

-- Ты все это и выводил перед обществом? -- спросил его председатель.

-- Как на ладонке выкладывал!

-- За это тебя и секли?

-- Не-ет!.. За это меня в неразумные произвели да лечить прислали! Снизойдите, господа честные, явите мне милость; курить я свычку имею, а меня, слышь, когда схватили да повезли на ваш суд, так што есть зипунишка-то не дали почище надеть, сапогов-то покрепче. В какой рвани был, в той и прислали, руки-то скрутили мне, посмотри, до синих рубцов (и, сбросив с правой руки рукав полушубка, он засучил рубаху и показал синевшие на руках следы от веревок); дайте мне двадцать копеек -- табачку купить, справлюсь, бог даст, отдам.

Один из членов достал из бумажника три рубля и подал их Дехтяреву.

-- Много этого, куда мне столько... мне бы двадцать копеек за глаза! -- произнес он.

-- Возьми, возьми!..

-- Ну, дай тебе бог здоровья! -- ответил он, поклонившись.-- А это, слышь, никак, еще впервой на свете, што чиновник мужику денег дал, а то все боле мужики чиновников ими снабжали!..-- с иронией произнес он, держа в руках ассигнацию.

Губернатор засмеялся в ответ на выходку Дехтярева, среди членов тоже пробежал смех. Дехтярева увели. Комиссия признала его совершенно здоровым, или, как сказано было в акте, "вполне владеющим умственными способностями"; только один из военных врачей, все время наблюдавший за ним, утверждал, что он умопомешанный. По иаспоряжению губернатора была назначена особая следственная комиссия для производства дознания по выводам Дехтярева, а также удостоверения о личности самого Дехтярева и обстоятельствах, вызвавших зверское обращение с ним сельских властей и общества.

Дехтярев был сильно обрадован известием, что он поедет помой вместе с членами следственной комиссии. Во всю дорогу не покидало его веселое настроение, он потешал казаков, с которыми ехал, своими прибаутками и часто пел. В памяти его был неисчерпаемый запас песен, и большинство их, по-видимому, были его собственного творчества. Об этом можно было судить по их сатирическому складу и по тому, что в них воспевалась общественная бездеятельность и неурядицы сельской жизни; меткими чертами обрисовывались волостные начальники, судьи, писаря, иногда в них звучали меланхолические ноты, особенно когда воспевался какой-нибудь бедняк, задавленный горем и общественными нападками.

На пятый день по выезде из города комиссия въехала в пределы Крутологовской волости. На станциях, во время перепряжки лошадей, к экипажам сбегалось почти все население деревень, привлекаемое любопытством посмотреть на Дехтярева. Народ с участием и состраданием относился к нему. На последней станции к селу Крутые Лога произошла довольно оригинальная сцена. Экипажи, по обыкновению, были окружены густой толпой. Дехтярев, закутанный в шубу, сидел в пошевнях.

-- Здоров ли ты, Осип Микитич? -- спрашивали его окружающие.

-- Здоров, братцы, вылечили! -- с улыбкой ответил он.-- Теперь Федору Игнатьичу черед хворать пришел; вишь, сколько лекарей-то везу его милость в разум вводить, а?

-- Уж не введешь его теперича в разум, Осип Микитич,-- опоздал, вчерашнего дня он уж богу душу отдал! -- ответили ему в толпе.

-- Вре-е-шь! -- протянул с изумлением Дехтярев и побледнел.

-- Скоропостижно, друг, пришибла его смерточка-то!

Дехтярев сидел с минуту неподвижно, пораженный этим известием.

-- А за неправды-то свои кому же завещал он ответ-то дать? -- спросил вдруг он.

-- Ну, брат, на экое-то наследье едва ли охотники найдутся! -- со смехом ответили ему в толпе.

-- А-а-а, Осип! -- раздался в это время голос, и к пошевням подошел пожилой крестьянин весьма степенной наружности, одетый в казанский полушубок. При его приближении толпа почтительно расступилась и дала ему дорогу.-- Ну, как поживаешь, а? -- спросил он, подойдя к Дехтяреву.

-- Отменно хорошо, Моисей Сильверстыч! -- ответил, приподнимая шапку, Осип.

-- Ну, подавай бог тебе... пора! -- с иронией ответил ему Моисей Сильверстыч.

-- Ручку-с!..

-- На, на...-- подавая ему руку, покровительственно сказал он.-- Образумился ли ноне?..

-- В точности! -- ответил Дехтярев. -- Других вот в разум вводить еду, Моисей Сильверстыч!..

-- О-о-о! Вот ты ноне чем занимаешься...

-- Ноне и мы при занятиях, Моисей Сильверстыч,-- насмешливо ответил Дехтярев.-- Хороводы с чиновниками вожу, прибауточками их благородия тешу, с ихнего чаю ополоски спиваю... дела много!.. Горе, што Федор-то Игнатьич помер, а то б и его милость похлебкой из чиновников угостили!.. Вы-то как поживаете, Моисей Сильверстыч, все ли подобру, поздорову? -- спросил он.

-- Живу, пока бог по грехам терпит.

-- Обтерпелся уж бог от грехов-то ваших, Моисей Сильверстыч. Поминаете ль когда на молитвах Митьку-то Беспалова? -- с улыбкой спросил Дехтярев.

-- А што мне его поминать-то, родня он мне был, што ли?

-- Ближний бы, кажись, свойственник.

-- С которой это руки-то?..

-- С обеих ручек, кажись... Ведь вы, ровно, крестным-то тятенькой были, когда его на морозе-то студеной водицей крестили, а кнутиками отогревали, аль запомнили, от кого он ума-то рехнулся да в землю-то ушел?..

-- Што ты мелешь-то,-- пустая голова твоя? -- весь вспыхнув, крикнул Моисей Сильверстыч.

-- Да вот грехи-то ваши и перемалываю, Моисей Сильверстыч, хочу из них крупки надрать, штоб господа чиновники кашку сварили да расхлебывали!..

Моисей Сильверстыч сплюнул и, весь побледнев, отошел от пошевной, сопровождаемый звонким смехом Дехтярева.

-- Э-э-х, Осип, Осип! -- укоризненно пронеслось в толпе -- не всякое бы ты слово с языка-то спущал, в иную бы пору и помолчать тебе надоть!..

-- Молчат-то пусть умные, братцы, а ведь я дурак, а ноне время такое, што за дурью речь хвалят, а за умную парят!..-- ответил Дехтярев.

Скоропостижная смерть волостного головы, последовавшая за два дня до приезда в село Крутые Лога комиссии, показалась весьма подозрительной членам ее. Был вытребован доктор для определения ее причин и, по вскрытии трупа, оказалось, что голова помер от аневризма. Прежде чем приступить к расследованию злоупотреблений по выводам Дехтярева, было спрошено все общество о личности самого Дехтярева. Крестьяне отозвались о нем чрезвычайно хорошо и называли его "несчастливым" человеком, а один из них, старик Корнеев, приходившийся

Дехтяреву дядей по матери, подробно рассказал жизнь его с самого детства.

-- Балованное дитяtko был Осип... нечего греха таить! -- так начал рассказ свой старик Корнеев.-- Родитель-то его, покойная головушка, Микита Дмитрич, души в нем не чаял. Мужик-то был он денежный, скупенек. Дом-то был, как полная чаша, только на деток урожаю бог не давал. Осип-то родился от сестры моей!.. она и вышла-то за него за вдовОго... уж почесть под старость его... И то опять надо в рассудок взять, какой бы отец не радовался, глядя на умное детище, да не мироволил ему? Супротив Осипа и среди погодков его, да кто и постарше-то его был, так едва ли ровня-то нашелся бы: он сызмальства, слышь, за словом-то в карман не лез. По себе теперь глядя судишь: уж стар человек, какого народа не видывал на веку, какого горя на плечах не вынес, а все в ину пору не скоро человека спознаешь, каков он есть, а ведь Оську, бывало, угораздит сразу смекнуть, кто чем прихрамывает... Диво! Ну, и озорной уж был, упаси господи... на баловство ли, на пакость ли какую, окромя Оськи, не было молодца, и бивали его не раз, и отец-то в эфтих случаях потачки не давал, да нет... не унимался! Когда уж в возраст-то стал входить, так мало ли греха с ним из-за девок бывало. Страсть!.. Раз это настиг девку в лесу да за то, слышь, что она где-то посмеялась над ним, отрезал ей косу; хотели мы тогда миром Унять его... постегать, но так только, ради слез отца, простили... присудили тогда отцу-то его бесчестье девки заплатить! Отец-то его брал подряды от купцов по доставке товаров из Ирбита и в Ирбит, ну, и сына-то, значит, радел к этому же делу приручить. И задумал старик-то отдавать его в грамоту, подговорил дьячка учить его; дьячок-то, покойник Антон Матвеич, мужик был простой, к чарочке более склонный и нрава-то был непокойного, не раз даже на священника длань поднимал, опасались его в нетрезвом-то виде. Ну, вот и сошлись они, дьячок да Оська, и пошла у них грамота! Сколько смеху-то на деревне было! Однова это дьячок-то шибко прибил Осипа, а Осип возьми да и высмоли ему сонному бороду и голову, так что дьячок-то обстричься должен был... Нечего было делать -- отец-то заплатил дьячку бесчестье, да на том и порешили с грамотой.

Когда уж Осип в возраст вошел, так не мало греха у него и с отцом пошло. Отцу-то бы надоть было в извоз его пустить, оно бы, может, лучше было, по крайности бы Осип при деле был, баловство-то бы лишнее на ум ему не шло. Парень-то был он вострый, проворный, сметкой-то в голове господь за десятерых его наделил. Ознакомившись с работой-то, пристрастку бы к ней получил и человек бы вышел, и старики-то не раз отцу его говаривали: пусти сына, не держи его при себе, приспособь к работе. Ну, не хотел, покойная головушка, слушать, не спускал его с своих глаз, поджидал, пока совсем в рассудок войдет, думал, что так-то лучше будет; да вышло-то не то. Десятилетии лет ищю Осипу-то не было, как его уж спутал грех с девушкой, жившей по соседству с ихним домом в работницах. Матреной-сиротиной звали ее, она и посеючас мыкается в работницах; девка-то она умная, што сказать, и

работящая, да одна беда: на скромную косточку падка, качествами-то этими не подходила ко двору Микиты Дмитрича. Старика-то все чтили, и обидно казалось ему этакой-то невесткой обзавестись; не допустил он Осипа жениться на ней, а оно бы, гляди, больше толку-то было. Женил его старик-то почесть насильно на богатой невесте из соседней деревни, думал, остепенится сыночек, а сыночек-то совсем от рук отходить стал,-- попивать начал... и пошел в их доме грех. Отец, бывало, слово скажет Осипу, а Осип ему два в ответ. Особливо много греха пошло между ними, когда проведаль старик, што добро его тает, как снег по весне. Чего ведь, бывало: придет кто-нибудь к старику хлеба займы попросить, откажет он в ину пору, а Осип скрадет у него ключи от амбаров, нагребет хлеба да как вор, крадучись по задворкам, и снесет к тому.

-- Тебе же, непутному, добра припасую! -- говаривал, бывало, отец-то, укоряя его.

-- Не топи за меня своей души! Не надоть мне твоего добра, все пропью, все прахом пойдет, што останется! -- огрызнулся Осип.

Горько плакивал старик-то от этаких слов сына, в котором души-то не чаял, и частенько стал жаловаться на непутность его. Помер он... Может быть, кручина-то эта и подкосила его на старости. Похоронил его Осип, и пошло у него в доме разливное море, не прогулять бы ему и за десятки годов добра, что припас отец. Одних лошадей более ста насчитывали, не говоря о деньгах и о том, что в доме было. Ну, добрые люди помогли. Кто бы с какой докукой ни пришел к Осипу, отказа никому не было. О лошадке ли кто поплачется ему -- поди, выбирай любую! Денег ли понадобилось на подушную или на иную потребу -- бери, об отдаче и слова не было! "Ты што это, Осип, без пути отцовское-то добро расхищаешь?" -- говаривали ему старики, останавливая его от непутной жизни, а он только посмеивался да один ответ давал, что по тятеньке поминки правит! Не прошло и шести годков, как все хозяйство упало, а теперь и сам он нищий, ничего нет, окромя дома да двух лошадечек. Все разнесли и развезли! Много и богомольцев за него на миру, да немало и таких, что, вдосталь нажившись от него, над его же простотой теперь глумятся! Как бы ни пил Осип, как бы ни бражничал, это все бы ничего, не он первый, не он последний. Мало ли теперь среди нас найдется степенных людей, пособников миру, которые по молодости и-и-и в каких только качествах не грешили, да оглянулся же бог, в разум да в лета вошли и жизнь свою остепенили, люди теперь! А Осип был с головой парень, пришел бы еще в себя и острезвился б! И бедность-то была бы не лиха ему, нашлись бы люди, что, помятуя добро его, и ему бы в свой черед помочь сделали... Ну, так язык его был лютей ему супостат и ворог! Душа-то у него добрая, да язык его поперек его жизни стал и до всех напастей довел! Не жилось ему в ладу с людьми. За кем, бывало, только спознает какой грех, так и пугает его прямо в глаза; языка его боялись, что шила,-- ну, и не любили его, у всех он был, как бельмо в глазу. И увещали его, кто добра-то ему хотел, не раз увещали: "Брось-де, Осип, смешки свои, блюда, знай, себя, стереги свою совесть да душу, а

других не тревожь, людей-Д° не переучишь, всякого на свою колодку не переделаешь!" Нет! Он все, бывало, свое твердит: "Оттого, говорит, и неурядица в обчестве идет, что всякий правду за пазуху прячет! Я, говорит, буду молчать, другой будет молчать, а мошеннику-то и на руку, что все языки прикусывают. А распояшь-ко, говорит, рот-то, не давай никому спуска, так, гляди-ко, чего будет: иной бы и смошенничал, да побоится, уличат,-- так волей-неволей укоротит руки-то да будет по чести жить!" Ну, и договорился, зачем пошел, то и нашел! Взъелись на него все... все взъелись!.. Все-то ждали толь ко подходящего часу, штобы отплатить ему свою обиду! Когда это выбирали в головы Федора Игнатъича, так чего, чего не пел про него Осип на сходе, и обчество-то ругал, што обходят добрых людей, а чествят мошенников. С этой самой поры и пошла меж головой да Осипом усобица. Много лет подкапывался под него Федор Игнатъич. Мужик был,-- не тем будь помянут,-- хитрый, исподтиха, с усмешкой рыл свои подходы; ну, и Осип-то был не промах, не оставался в долгу и зорко стерег за ним. С другим-то бы Федор не поцеремонился, скрутил бы его, што и не услышал, ну, а Осипа-то побаивался, не другим он был чета: голой-то рукой не хватай, обожжешься! Ну, и выпал такой случай. Был это раз сход в волости, был на нем и Осип, а около этого времени, сказать надо, в соседней деревне Овражках такой грех вышел: полюбилось тамошнему целовальнику³, большому приятелю головы, да, однако, еще и сродственнику, одно место, высокой такой пригорок посреде самой деревни, а сзади его озерко и рощица. В озерке-то этом бабы все лен мочили. На этом самом пригорке стояла изба Мирона Сивкова, мужик-то он бедный, немощный. Целовальник-то и стань подбиваться к нему, отдай ему это место под дом, и голова-то почни намеки делать Мирону, а Мирон-то, как на грех, уперся, не отдает места. Видя, значит, такую неустойку, целовальник, долго не думая, закупил это лесу, подрядил из той же деревни рабочих и давай рубить избу на пригорке, загородив Мирону и свет и вход. Мирон к голове, а голова нарочно уехал, штобы все это без него сделалось, а он как, стало быть, ни при чем! Мирон к обчеству, плачет: "Защитите!" Собралось обчество и взялось было наперво пришугнуть целовальника и шугнуло б!.. А целовальник-то тоже, брат, знал, каким подпилком мужичью совесть подтачивать, возьми да и выкати боченок вина; опосля того и пошел уж суд да расправа, и решили: мирить Мирона с целовальником, избу целовальника, как новую, оставить на месте, а избу Мирона, как старую, снести и поставит на кошт⁴ целовальника на новое место! Поплакал, заплакал Мирон да и съехал с насиженного места. Опосля он было и в город ездил, жалобу подавал, да где-то о сию пору застряла! А Осип все это проведаль... и все молчал, да на сходе-то внезапно это... улучил минутку и говорит: "А вот бы, говорит, ваше почтение Федор Игнатъич, чего бы порешить нам миром надо, штобы в волости такцыю⁵ на стене вывесить! Оно бы и мошенникам-то было видней, и волостным-то с руки, а то без такции-то народ у нас без ума путается!.."

-- Такцыю, какую такую такцыю? -- спрашивает голова.

-- А вот бы какую, к примеру тебе сказать: коли отберет мошенник у кого-нибудь место под дом, то снеси голове, скажем, двадцать рублей -- и прав будешь; за лошадь, не по правде отобранную, положить бы можно пять рублей, за корову -- три, за свинью и полтины будет... потому, говорит, от этой животины у нас по волости проходу нет!.. Не дорога!

-- Слышали, občественники, што Осип-то Микитич рассказывает? -- спросил голова, без всякого это сердца, да и усмехнулся, а уж коли Федор Игнатъич усмехнулся, так уж, стало, не быть добру.-- Это ты к чему же такие слова мне приводишь? -- спросил он у Осипа.

-- К чему, уж будто не знаешь, к чему! -- спрашивает Осип,-- уж будто, говорит, не на твоих глазах благоприятель-то твой, овражкинский целовальник, выжил Мирона-то с избой с насиженного места, а?.. Ну, вот я и говорю, чтоб ты повесил такцию, за какую цену правду продаешь! Может быть, и мне занадобится кого-нибудь с места сжить, так уж я и буду знать, что следует голове снести, чтобы правым быть!..

-- Разве я судил Мирона-то с целовальником? -- спросил его голова.

-- Обчество, знамо!

-- Так к чему же, говорит, ты меня чужим-то грехом попрекаешь?

-- А-а, и ты,-- говорит,-- зовешь это грехом, так пошто же,-- говорит,-- коли ты знаешь, што это грех, што у občества совесть-то давно уж с вина перегорела, так што и угодников от нее не осталось,-- не присудил дела по-своему? Ведь ты голова... всему делу вершитель. На твоих бы глазах я человека убил, občество бы за вино меня оправило, а ты и гляди и молчи бы, а?..

-- Осип Микитич, ты за што это občество-то поносишь? -- спросили его.

-- Поношу!.. Такое разве вам поношение-то,-- говорит,-- надоть, а? Вы въяве,--говорит,-- на себя энтот ярлык-то навесили, так уж запрета не положите говорить-то об нем, а то гляди... не смей еще и поносить... Хвали... небось, вас, а-а-а?..

С эвтих самых слов Осипа и пошел грех... А Федор Игнатъич, не будь прост, да под шумок и подведи Осипа.. Натолкни občество, чтобы составили приговор посечь его, за поношение головы и občества на сходе; и составили, и выстегали тогда Осипа, и крепко выстегали; тут уж каждый выместил на шкуре его всякое словцо... натешились досыта, нечего правды таить!.. И жалко его было, многие жалели, да ничего поделатъ-то не могли: волостной-то сход -- сила, поспорь-ка поди с ней!.. Долго хворал после этой оказии Осип. С эфтой-то ровно поры понемногу и стали примечать, што с ним что-то неладное деется, не то штоб он в словах или в уме бы путался, не-е-ет, а чудные дела стал творить, какие бы человеку-то в своем разуме и не под стать бы были! Однава, это сколько смеху-то на деревне было, прибег откуда-то Осип домой, лошадь вся в мыле, а сам весь в синяках и в крови. Спрашиваем: откуда ты, Осип Микитич, кто тебя так почествовал?.. Смеется! "В Мокшеевой, говорит, нового старосту ставил, так благодарили!" На другой день, слышим, рассказывают, чего наш Осип натворил. В деревне Мокшеевой ходил о ту пору в старостах Гордей Са-вельич Пленкин, человек старый и, сказать-то

коли правду, неизвыщенного ума. Осип-то всегда об него зубы обтачивал. И приди ж ему в голову, Осипу-то: поехал в лес, вырубил это осину, обтесал, привез ее в Мокшеево и давай вколачивать посереде деревни. Известное дело, народ, видя это, сбежался, спрашивают: чего ты делаешь? "Старосту, говорит, нового ставлю на смену Гордею Савельичу; оба, говорит, они одного пенька ветки, только Гордей-то, говорит, мохом оброс, пора б его и на отдых, а энтот посвежей выглядит, а вам-то, говорит, ведь все равно, было бы только, кому кланяться!.." Э-эх, как взъелись это мокшеевцы-то и приняли его кто во что попало, едва он утек от них. Сколько после того смеху-то по волости пошло. Мокшеевцы беда не любят с тех пор, коли спросишь: "Ладно ли они с новым старостой живут?" А то раз также был сход в волости, приехал и Осип, и приди это в волость-то с горшком горячих углей, да давай это ходить по волости да курить ладаном. Спрашиваем: что ты это, Осип, делаешь? "Нечистую силу, говорит, из головы с писарем выкуриваю!" Хотели было его тогда сызнава поучить, да уж догадались, што тут другая наука требуется. Дня, слышь, не проходило, чтоб он чего-нибудь не накуралесил; стали его и побаиваться: долго ли до греха, еще убьет кого или деревню спалит, и поди суди его тогда! Порешили покрепче поглядывать за ним. Иную пору недели две живет тихо, как следует быть человеку, и по дому ровно обихаживает, а там, гляди, ни с чего задурит. Однава это лошадь свою утопил... спутал ей ноги да и загнал в реку. Хватились это, побежали за ним, чтоб отнять ее, да уж поздно! Спрашиваем: за что ты животину загубил? Смеется: "А пошто, говорит, она вперед головой ходит, коли мы с вами и почище ее разумом, да взад пятки от всего пятимся". Вот и вразумляй поди его! А то раз поймал это Осип цыпленка и давай его живого ощипывать. "Что ты, Осип, делаешь, в уме ли ты, говорим ему, за что ты живую птицу тиранишь, побойся бога!.."

-- А вы-то в уме ли? -- спрашивает он.-- Вы-то,-- говорит,-- сплошь да рядом последнюю рубаху с человека сдираете и тиранствуете над ним, да бога-то не боитесь, а на курочку глядя, так у вас,-- говорит,-- и совесть проснулась, и про бога вспомнили!.. Так живую ощипал да на глазах у всех и съел ее. Так со стороны-то стало тошно, глядя на него в те поры. Ну, да все еще полагали, что господь пристанет за него, образумится он; что, может, это и с вина с ним деелось, а уж пить-то ему в те поры стало не на што! Приглядывали только за ним, на ночь всегда, бывало, кто-нибудь в дом к нему спать шел. Опасались, чтоб не сделал чего-нибудь над женой да детищем. Грешным делом сказать, жена-то его по сторонке погуливала. Примечал это Осип, знал, да только смеясь приговаривал, бывало, што "чужой-то кус завсегда слаще своего!". Так вот и шло время до зимнего Миколы⁶, пока не стряслась напасть... О Миколе-то в село к нам гости наезжают, потому как престол у нас... праздник. Ну, вот и ныне съехалось также много народу. Отошла это обедня, разошелся народ по домам, у всякого гости... только слышим, около полудня ударили в церкви в набат. Все село всполыхнулось, все полагали, что пожар в Церкви. Батюшка отец Василий с гостями прибег, волостные толкнулись

в церковь, а церковь на запоре; глядим, и трапезник тут же в народе стоит да только охает да руками разводит; глянули на колокольню, а там Осип глядит на народ-то да смеется. "Што это ты делаешь, дурья голова твоя? -- закричал ему батюшка и народ-то,-- што ты людей мутишь?"

-- Мне,-- говорит,-- голова велел в колокол ударить да народ собрать! -- крикнул он с колокольни,-- просил,-- говорит,-- оповестить опчество, что он совесть где-то обронил, так в случае коли кто найдет ее, так объявки бы не делал в волость, а притаил бы ее у себя, потому, говорит, как без совести Федору Игнатьичу не в пример способнее в головах ходить! -- Ну-у, и пошел тут нести про него, а голова тут же в народе стоял, да все это слушал и отпыхивался. Как ни было морозно, а пробил его в те поры пот! Вплоть до вечера маялись мы тогда с Осипом, едва-то, едва сманили его с колокольни. Подметил он это, что трапезник-то отлучился из церкви, вырвал кольца вместе с замком, вошел в церковь, запер за собой дверь на засов да и наделал сполоху. В те поры уж и священник и народ-то пристали к волостным, чтоб отправить его в город: всех опаска взяла держать его на селе, все греха стереглись. Не хотелось, признаться, голове-то отсылать его, боялся он языка его, чуял, что накличет на него Осип беды, да уж делать-то было нечего. С той поры, как свезли Осипа в город, Федор Игнать-ич и заскучал, и заскучал, да и душу-то богу отдал как-то внезапно, до самого смертного часу на ногах ведь был. Признаться, и нас-то сумление брало, не выпил ли он чего... ну, да, видно, уж так суждено ему было, предел, знать, таков,-- закончил старик Корнеев рассказ свой и глубоко вздохнул.

Около трех недель занималась комиссия расследованиями по выводам Дехтярева. Большинство крестьян отозвалось об умершем голове весьма дурно. Не было никакого сомнения, что он действительно занимался переводом фальшивых денег и, по общему отзыву, эксплуатировал крестьян тем, что, уплачивая за них подати, скупал у них за долги хлеб по крайне дешевым ценам, сбывая его в киргизскую степь в обмен на лошадей, овец и рогатый скот. Конечно, многие факты, которые послужили бы к разъяснению обнаруженных Дехтяревым преступлений, так и остались недоказанными, благодаря давности времени и тщательно скрытым следам, но что преступления эти были совершены -- едва ли можно было сомневаться.

С первого же дня по приезде в Крутые Лога Дехтярев все чаще и чаще впадал в раздраженное состояние. Встреча с антипатичными для него лицами, воспоминания пережитых страданий и нанесенных ему обид иначе и не могли действовать на восприимчивую и впечатлительную натуру его. Нередко под вечер, когда уже кончались допросы, он приходил к членам комиссии и выспрашивал, чего показали крестьяне. "Э-эх, ваше благородие,-- часто говорил он после своих расспросов,-- никогда вы не добьетесь у мужика правды, все будет перед вами шито да крыто! Голова-то помер, да ведь прихлебники-то его живы; если кто правду-то покажет, так того ведь с белого света сживут, загрызут, што

черви; вот мужики-то и молчат, и плачут, да молчат!" В этих словах Дехтярева было много правды. При допросах крестьяне, заметно было, во многом заминались, отмалчивались или давали уклончивые ответы.

Однажды, когда уже следствие приходило к концу, Дехтярев, по обыкновению, пришел вечером в квартиру, в которой помещались члены комиссии, и, поздоровавшись, сел на лавку. Ему дали чаю.

-- Ну, што, Осип, не надумал ли еще чего-нибудь нового, а? -- шутя, спросил его уездный стряпчий⁷, пожилой уже человек, который от скуки почти ежедневно вел с ним богословские споры.

-- Надумал! -- ответил Осип, схлебывая с блюдца чай.-- Ты вот письменный человек, стряпчий, скажи-ка ты мне, пошто это земля черная?.. -- Стряпчий, образование которого не превышало программы уездного училища, заметно смутился при подобном вопросе Осипа, пытливо наблюдавшего за ним.

-- Отчего черная? -- покраснев, ответил он.-- Оттого, братец, что уж так создано богом!..

-- Ан врешь! -- прервал его Осип.-- Бог-то создал ее чистенькой да беленькой... што пшенишное зернышко, а уж это она от человеческой крови почернела! Да-а-а! С той самой поры, как, значит, Каин убил брата своего Авеля, она обагрилась... и почернела. С той самой поры и непорядок на земле пошел! Ты вот видал ли когда бога-то? -- неожиданно спросил Осип, всегда любивший озадачить какими-нибудь неожиданностями своего собеседника.

-- Нет, братец, не видывал!..-- с иронией ответил стряпчий.

-- А я видел!.. Чиновнику-то, брат, он не проявится, а мужика удостоил, сам ко мне пришел!..

-- Сам пришел! О-го-о! За что ж он тебе такое предпочтение сделал, а?

-- А за то, братец ты мой, што я, по мужичьему званию, завсегда под бедой, как под шапкой, ходил, а поэтому, значит, и завсе бога помнил!..

-- А чиновники-то, по-твоему, разве не помнят бога?

-- В редкость!..

-- А-а-а! ну, будь по-твоему! -- смеясь ответил стряпчий.-- А каков же он из себя, а? -- спросил он.

-- Бог-то? А так, братец, совсем как бы старичок, седенький весь... в азымчике⁸...-- ответил Осип.

-- Вот как!.. Получше-то уж, верно, не нашлось чего надеть-то на себя... а? -- спросил стряпчий.

-- Нашлось бы, брат... добра-то у него, владыки небесного, много... да боязно, говорит, в хорошем-то наряде на миру ходить.

-- Отчего?..

-- Ограбят! Потому, говорит, ноне люди шибко волю рукам дали... неровен час да место, так и богу-то от них достанется... и на его добро длань протирают!..

-- Что же, он сам тебе это сказал или уж ты выдумал?

-- Сам мне сказал!.. Пришел это и говорит мне: потерпи, Осип... Стой за правду крепко! Много, говорит, греха и блуда на миру развелось... не

соблазняясь... и скажи, говорит, голове и всем его прихлебникам, што забыли они меня и я до них доберусь...

-- Ну, так и сказал?..

-- Сказал!.. зато, брат, и стегали меня... как ведь, брат, стегали-то, а-а-ах... Другой бы на моем месте, может, и с душой бы расстался... ну, а за меня бог пристал... ожил!.. Ище бы вот мне надоть до одного мужичка добратся, брат! Зовут-то его Моисеем Сильверстовым, уж такой-то степенный на вид мужик, што без бога да креста и слова не скажет, а по качествам, если разобрать его, то хуже идола... Вот возмись-ко его в резон ввести, а-а?.. И на тебя, может, бог оглянется!..

-- Кого же в резон-то ввести?

-- Моисея Сильверстова Чулкова, так он пишется... в Панютиной деревне живет! Ты вот знаешь ли, чего он сделал, а-а? Работника своего убил!..

-- Ну-у!.. Ты опять, Осип, за свое принялся? -- заметил ему стряпчий.-- Ведь врешь это все, а?

-- Я-то вру?.. Нет, брат, кабы все-то мужики так ввали, как я, так на белом-то свете царство бы небесное было, а не житье, да-а-а! -- раздраженно произнес он.-- Вру-у-у!.. Ты вот собери-ко мужиков и спроси их: как, мол, Чулков, Моисей Сильверстыч, работника своего, Митьку Беспалова, кнутами до полусмерти стегал да опосля того в мороз-то водой его из колодца окачивал, а?.. Он от этого и в землю ушел... вот как я вру-то!..

-- Давно это было?

-- Года два уж будет теперь!.. Вру-у!.. Не-ет, ты спроси-ко у общества, как голова-то, покойник, да самый этот

Мосейка уламывали стариков-то, отца и мать-то Беспалова, чтоб они не жалобились на него, не заводили дела?.. Мосейка старикам-то за это лошадь подарил, корову, да денег сто рублей выдал, избу им новую срубил. --- И они взяли?

-- Взяли!.. Да еще Мосейку же теперь похваляют, благодетелем зовут, да-а-а!.. Вот ты говоришь: пошто бог-то по земле в азымчике ходит, а? Надень-ко он хороший-то мундер, так чего будет? Середь улицы обдерут, и следов не отыщешь, милый.

-- Ну, ладно, ладно... верю тебе! -- прервал его стряпчий.-- Ты вот скажи-ко лучше, за что же Чулков-то стегал Беспалова?

-- Стегал-то за што? -- повторил, по обыкновению, Дехтярев. -- А это видишь, братец, вот как дело-то спервоначалу вышло, сказать тебе. Беспаловы-то, старики-то, шибко бедные; сам-то старик-то, братец ты мой, по приискам все в работу ходил, пьющий такой, ни скотинки у них, ни ворошинки в доме-то не было; вот сын-то их, Митька-то, значит, подрос когда, так старики-то и отдали его в батраки к Мосейке-то, почесть из-за хлеба отдали-то. Паренек он был смирный такой, безответный; ему всего о ту пору девятнадцатый год шел. Ну, ладно, а Чулков-то этот, скажу тебе, богатей, на языке у него все бог, а в душе -- черт. Верь! Ну, жил это Митька-то, никак, с год у него, все было ладно;

только одна это и приедь к Мосейке-то купец в гости; ночь-то это он с Мосейкой прохороводился, а наутро и домой собрался; вот Мосейка-то и подпряги ему в повозку што ни лучших коней тройку, особливо был жеребчик у него соврасенький, сам он его и выкормил, в цене был конь! Ну, и посадил на козлы Митьку-то; Митьке-то и не впервой бы ямщичать-то, навикший был парень-то, да от греха-то ведь не убережешься, где подкатит. Грех-то человека, што ворон добычу, караулит -- верь! Ну, то ли, слышь, соврасенький-то жеребчик заране уж испорчен был, то ли, в самом деле, Митька-то, угождая купцу, коней-то гнал очертя голову, только, слышь, соврасенький-то жеребчик и пал на дороге. С того и весь грех вышел! Как вернулся это Митька-то домой, услышал Мосейка-то, што соврасый его подох, и возьми его злость на Митьку, што загнал он его коня, и учни он его бить: би-и-ил, би-ил, окровянил всего... мало! Ногами, сказывают, топтал, и этого мало!.. Почесть, уж полумертвого, сказывают, привязал к столбу, да и прими его с сыном в кнутья жарить... Отвязали уж Митьку, говорили опосля, совсем мертвого,-- так и упал, не дышал уж. Увидел Мосейка-то, што дело неладно, и давай его ледяной-то водой из колодца отливать! Всего только с неделю опосля того Митька-то и выжил: так, как лежал без памяти, так и помер без памяти! Вот, брат, и послушай, да мотай на ус, как у нас, по буднишному-то, в деревнях живут, какие у нас, стало быть, по мужичьему званию ангелы водятся...

-- А днем или ночью он бил-то его?

-- Средь белого дня, на глазах всей деревни... Сказывают, как Митька-то кричал, так што из-за околицы слышно было! Вот, брат, каков у нас народец-то!.. Старики-то Беспаловы шибко спервоначалу-то убивались, особливо мать-то! Ну, да голова-то с Мосейкой урезонили их; так, брат, все дело вместе с Митькой в землю и зарыли... Сказывали сначала, што батюшка-то ровно не хотел Митьку отпевать... да уж как там сделались -- бог их знает... Вот приголубь-ко, слышь, Мосейку-то, штоб и другим наука была; вот и к тебе тогда господь, может, зайдет... обегать не будет!..

Рассказ Осипа был настолько важен, что члены комиссии признали неудобным оставить дело без расследования. Поэтому были вытребованы старики Беспаловы и крестьяне деревни Панютиной. Но на заданные вопросы отец и мать Дмитрия Беспалова отозвались, что ничего подобного не было с их сыном, что он помер от огневицы⁹, и если Чулков поставил им новую избу, подарил лошадь, корову и дал денег, так единственно из снисхождения к их сиротству и преклонным летам. Показание их подтвердили и крестьяне деревни Панютиной. Когда уже допрос был окончен, в комнату неожиданно ворвался Дехтярев и, протолкавшись через толпу, сел в переднем углу на лавке.

-- Скучно мне, братцы, среди вас,-- начал он, качая головой.-- Уйду я от вас... убегу, в леса убегу... буду лучше жить с волками да медведями!..

-- Полно, Осип Микитич, не спеши!.. Бог даст, очнешься, еще поживешь и с нами, не гневи бога, он еще и на тебя оглянется! -- кротко ответил ему какой-то старик, среди всеобщего молчания, прерываемого глубокими вздохами.

-- На меня-то он давно оглянулся, да вам-то это не в примету,-- ответил Дехтярев,-- а вот от вас-то он отвернулся... потому вы и не люди!..

-- А кто ж мы, по-твоему? -- спросил старик.

-- Идолы!..

-- Полно, Осип Микитич, полно... за што ты ругаешь нас, чего мы тебе сделали, какое зло?

-- Зло-о-о!.. Вы-то мне много зла сделали, а себе-то исцо боле...

-- А коли мы сделали себе какое зло, так тебе-то что ж от эфтого? Пушай всякий за свое зло и купается, и идет в ответ! -- ответили ему в толпе.-- За што ты мир-то маешь, следствия-то накликаешь на всех,-- заговорили крестьяне.

-- Я... я... я... вас маю?..-- вскочив со скамьи, раздраженно закричал Дехтярев.-- Худо еще вас мают-то, ху-у-удо. Всякий за свое зло в ответ иди!.. То-то што в ответ-то за ваше зло другие ходят, а вы только в молчанку играете. Идолы, так идолы и есть... Неужто, кабы вы люди-то были, так не шевельнулись бы в вас души, глядя на то, чего деется кругом да около? Ты вот, Аким, старый человек,-- обратился он к старику, который первый заговорил с ним.-- Голова-то и борода у тебя белей мельничной притолоки, ты на богато при каждом слове, как на костыль, упираешься, а вот совесть-то свою небось ничем не подопрешь, чтоб прямой держалась, а не виляла из стороны в сторону, как собачий хвост. На ваших глазах середь бела дня Мосейка-то загубил Митьку, бил его, топтал ногами, полумертвого стегал кнутьями; вся волость знает, што он от эфтого в землю ушел, а вы молчите... никто ни слова не пикнет об этом душегубстве... потому што Мосейко бо-га-а-ат... всякий из вас думает к нему нос приткнуть, а будь-ка он бедный -- и-и-и, ты бы первый его в острог усадил...

-- Полно, полно, Осип Микитич, не грехи занапрасно!..-- уговаривали, желая успокоить его, крестьяне.

-- Идолы!

-- Не грехи... полно!..

-- Песьи души!..-- кричал он, все более и более разгорячаясь, -- окаянные,--мало у вас своих-то грехов, так вы еще и чужие-то на себя примаете... Глянь-ко, кто это... да скажите мне? -- крикнул он, указав на икону, висевшую в переднем углу.

-- Икона святая... бог!..-- тихо ответил ему старик Аким, понутив глаза и голову.

-- Нешто такой бог-то, а? Неужто бог-то станет носить на себе ваш звериный облик! Не-е-ет, я ужо покажу вам настоящего бога... што не похож на вас...

И Осип с азартом бросился в передний угол; но его удержали. Он завязал с крестьянами борьбу... и только после долгих усилий его смяли и принуждены были связать ему руки и ноги.

После описанной сцены Осип притих, в течение нескольких дней он не выходил из дома, хотя ему предоставлена была полная свобода ходить

езде и приставленные к нему казаки следовали за ним только издали. Все это время он лежал на лавке, уткнувшись лицом в полушубок, заменявший ему подушку, но не спал,-- сон совсем почти покинул его; иногда он что-то бормотал, но что именно -- никто не мог понять. Стряпчий, которому доставляло удовольствие вести с ним различные диспуты, раза два посетил его; но Осип на все его вопросы не отвечал ему ни слова. Однажды, часу в одиннадцатом вечера, когда уж вся деревня покоилась глубоким сном, в квартиру, занимаемую членами комиссии, прибежал испуганный казак с известием, что Осип едва не зарезал свою малолетнюю дочь, но у него успели вырвать нож, и он нанес только во время борьбы легкую рану в руку казака. Когда привели Осипа и спросили, за что он хотел зарезать дочь, он сел на лавку и обхватил голову руками.

-- Добро я хотел ей сделать,-- отвечал он.-- Неужто у меня не болит сердце-то о моем детище? Ведь она кровь моя; ну, какая ей услада в жизни-то будет!.. Отец не в своем разуме, мать потаскуха, неужели ей сладко будет на миру-то в батрачках мыкаться? И всякий-то будет глумиться над ней!.. Э-эх, в могиле-то ей легче бы было... в могилке-то ти-ихо, не шелохнет!.. Зимой-то ее снежком укрыло б, а летом-то травкой, цветиками.

И Осип зарыдал... Грудь его тяжело колыхалась, и какие-то глухие, точно раздавленные звуки вырывались из нее...

С этого времени за ним усилили надзор.

Когда по окончании следствия Дехтярева повезли из деревни, он не простился ни с женой, ни с ребенком, ни с кем из крестьян, хотя все село собралось и густою толпою окружило пошевни, на дне которых он лег, закутавшись с головою в шубу. Многие из крестьян заплакали, провожая его. Плакала и жена Осипа и более версты шла пешком за пошевнями, неся на руках пятилетнюю дочь, ожидая, что Осип, может быть, одумается и простится с ней. Веселое настроение покинуло Осипа. Всю дорогу он молчал и на станциях редко выходил из пошевней; когда ему давали есть, он ел... но если о нем забывали, то он не напоминал о себе! По прибытии в город, Осипа поместили сначала на излечение в больницу, но, когда сумасшествие его приняло бешеный характер, его перевели в дом умалишенных, где он и помер.

ПРИМЕЧАНИЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАУМОВ

(1838-1901)

Родился в Тобольске в семье чиновника, отличавшегося исключительной честностью, вращавшегося в кругу декабристов. С детских лет Наумов пристрастился к чтению. Учился в Томской гимназии, но за недостатком средств у отца вынужден был оставить ее. Не желая быть в тягость отцу, вышедшему в отставку с пустыми руками, Наумов определяется на военную службу, усердно занимаясь самообразованием.

Увлеченный освободительным движением 1860-х гг., уходит в отставку и уезжает в Петербург. В 1859 г. в редактируемом Н. Г. Чернышевским "Военном сборнике" появляется первый его рассказ "Случай из военной практики". Желая продолжить образование, Наумов определяется вольнослушателем в Петербургский университет, но в 1861 г. его арестовывают за участие в студенческих демонстрациях и затем лишают права посещения университета. Вторично арестован в 1862 г. по делу подпольной революционной организации "Земля и воля". С 1861 по 1863 г. рассказы и очерки Наумова появляются в журналах "Светоч", "Искра", "Современник".

С 1864 по 1869 г. писатель живет в Сибири, служит в Тобольске и Омске участковым заседателем уездного суда, изучает жизнь сибирских крестьян, тайно сотрудничает в "Обществе независимости Сибири". Обвиненный в политической неблагонадежности, вновь подвергается аресту и проводит два года в заключении. После освобождения возвращается в Петербург, где начинает активно печатать свои очерки из быта крестьян и рабочих Сибири в передовых столичных журналах "Отечественные записки", "Дело", "Русское богатство". В 1874 г. он объединяет эти рассказы в книгу "Сила солому ломит", которая используется народниками-революционерами для пропаганды в крестьянской среде. Вслед за этой книгой Наумов публикует сборники "В тихом омуте" и "В забытом краю".

В 1884 г. писатель покидает Петербург и определяется на службу в Мариинске, а затем в Томске, где дом Наумова превращается в место сходак ссыльных революционеров-народников.

Тексты рассказов печатаются по изданию: Наумов Н. И. Собр. соч.: В 2-х т. Спб., 1897.

У перевоза

Впервые -- Современник, 1863, No 11.

¹ *Скудать, скудовать* -- болеть, недомогать.

² *Вех* -- растение семейства зонтичных.

³ *Ланской, лднекой* -- летошний, прошлогодний. *Ланйсь* -- летось, прошлым летом.

⁴ *Мировой посредник* -- официальное лицо, призванное быть посредником между помещиком и крестьянами при разделе земли и составлении уставной грамоты.

⁵ Искаж. *уставные грамоты*.

⁶ *Выть* -- здесь: час еды, завтрак или время между приемами пищи у крестьян.

Мирской учет

Впервые -- Отечественные записки, 1873, No 6,7.

¹ "Общественниками" назывались участники волостного схода, избравшиеся по одному с десяти дворов. Кроме них участниками схода были все сельские старосты и волостное начальство. См. прим. 4 к рассказу Ф. М. Решетникова "Тетушка Опарина".

² *Бёдко* -- здесь в значении: обидно.

³ Здесь в значении: неудачные.

⁴ *Баул* -- округлый или с горбатой крышкой сундук для хранения денег и цепных документов.

Умалишенный

Впервые - Дело, 1879, No 11.

¹ Губернское правление состояло из присутствия под председательством губернатора и вице-губернатора и занималось обсуждением вопросов, касавшихся администрации губернии или судебных дел.

² Подушная подать отменялась по достижении крестьянином 60-летнего возраста.

³ *Целовальник* -- содержатель казенной винной лавки.

⁴ *Кошт* -- расходы на содержание, пропитание. Здесь в значении: иа счет целовальника.

⁵ Искаж. *такса* -- установленные цены за различные услуги.

⁶ Праздник св. Николая отмечался весной, 9 мая, и зимой, 6 декабря по старому стилю.

⁷ *Стряпчий* -- судебный чиновник, помощник прокурора и защитник казенных интересов.

⁸ *Азямчик* -- кафтан халатного покроя из домотканой материи.

⁹ *Огневица* -- горячка.